

Алексей Курганов

Двуликий: Игла Тьмы

Алексей Курганов

Двуликий: Игла Тьмы

«Автор»

2026

Курганов А. Г.

Двуликий: Игла Тьмы / А. Г. Курганов — «Автор», 2026

Михаил хотел лишь покоя и стабильности, но получил инвалидность и экспериментальный протез. Неудачное желание стать «черным копателем» закончилась встречей с чудовищем. Эта встреча рассекла его тело и жизнь пополам, и отправила в другой мир. Теперь он — лишь фрагмент существа, вынужденный сосуществовать с половинкой Ангела. Между ними — пропасть, но их единственный шанс на спасение — стать единым организмом.

© Курганов А. Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	28
Глава 6	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Алексей Курганов

Двуликий: Игла Тьмы

Глава 1

События на Небесной Заставе

Корявые в суставах, чёрные от ввевшейся грязи пальцы крепкой хваткой зажали рот. Блеснувший клинок бороной прошёлся по трепещущему горлу. Рвущийся крик захлебнулся в собственной крови. Тело трепыхалось и дёргалось, словно не веря, что для него уже всё закончено. Невзрачной кучей оно осело на пол, где неторопливо расплылась кровавая лужа.

В тёмном переулке закутанная в ветошь фигура склонилась над бездыханным телом. Очистив кинжал об отворот пальто лежащего, она, оглядываясь по сторонам, торопливо шарила по карманам несчастного путника, волею судеб зашедшего не туда, куда следовало. С удовлетворённым присвистом тугой кошель нашёл нового хозяина. Пару секунд и фигура растворилась в сумраке переулка.

— Хм. Люди, вы безумны. За горсть монет готовы утопить друг друга в крови.

С синевы небес, на крошечном облаке, спрятавшемся за огненными лучами светила, за трагедией наблюдала фигура. Внешне похожая на человека, фигура была закована в белоснежную броню перьев. Два крыла, раскрытых в возбуждении, бросали тень на огромное овальное зеркало, постаментом, уходящим в стелющийся туман облака.

Внизу виднелась громада Города На Горе. Город бурлил, как котёл с варевом. Взгляд наблюдателя картинками выхватывал множество событий, а уши улавливали какофонию криков и голосов. Вот, — с надрывом предлагает свой товар торговец. Школьный учитель вывел детей во двор, и теперь они с криком выписывали круги. Нищий просит милостыню, а богач презрительно сплюнул, пошёл дальше, ещё не зная, что его кошелек изрядно похудел.

— Моя первая вахта у Зеркала, а я вас уже ненавижу!

Внезапно спокойная гладь Зеркала завибрировала и покрылась рябью, будто бросили камни в тихую воду. В воздухе появился резкий, едкий аромат, а во рту возник металлический привкус — верный знак скорого открытия Прохода.

«Меня не известили о госте. Неужто Город сам решил его прислать? Неслыханная дерзость!»

Резкий звуковой удар пронзил тишину, а мощная волна воздуха разметала перья и волосы Стража.

Из зеркальной поверхности показалась конечность, проталкивающаяся сквозь субстанцию, стремясь быстрее оказаться здесь. Затем явилась голова под капюшоном, тело, ноги, еле различимые под одеждой, и вот уже человеческая фигура стоит на облаке, соединённая с Зеркалом тонкой, истончающейся нитью. Человек сиял, отражая свет своей зеркальной кожей. Нить с хлопком оборвалась, и тонкая плёнка, покрывавшая посланника, начала лопаться, как мыльный пузырь.

Приветствуя Ангела глубоким поклоном, фигура замерла в ожидании, не решаясь первой нарушить тишину этого места.

— Кто ты? Зачем осмелился использовать Врата?

Под пристальным взглядом гость опустил ещё ниже, опускаясь на одно колено.

— О, Владыка. Я лишь ничтожный вестник. Время сдержать обещание пришло.

Его одежда зашуршала, и рука извлекла из складок предмет — плотный цилиндр, помеченный гербами Города и Небесной Крепости, запечатанный свежим сургучом. Взор Ангела

задержался на бледной, ухоженной руке, украшенной рубиновым браслетом. Идеальность руки нарушалось лишь отсутствие мизинца.

— Не тебе решать!

— Прошу прощения за мою дерзость.

— Ангел молча протянул руку, и тубус, повинаясь его Силе, поплыл к нему, в раскрытую ладонь. Взгляд Ангела задумчиво пробежал по стенке тубуса. Искусно вырезанные фигуры, под разными углами взгляда, казалось, двигались и жили своей жизнью. Тубус-хранитель, он был пропуском, подтверждающим полномочия гонца. Один из немногих артефактов, переданных Ангелами людям. Посланник, шуриша одеянием, попятился к Зеркалу. Что-то здесь не так... Глаза Ангела не отрывались от удаляющейся фигуры.

— Остановись!

— Моя миссия здесь окончена.

— Не раньше, чем я решу.

В свободной руке Ангела вспыхнул хлыст, искрящийся светом. Взмах — и хлыст настиг посланника прямо перед тем, как он шагнул в зеркало, крепко обвив его вокруг талии. Гость поморщился.

— Не вижу твоего отражения.

— Значит, его нет, — посланник развёл руками.

Ангел ослабил хватку, и тубус с гулким звуком рухнул на облачную поверхность, разгоняя стелющуюся дымку.

— Если магистр нуждается в нашей поддержке, пусть явится лично.

С щелчком хлыст вернулся к хозяину, обернувшись поясом в несколько витков. Посланец приблизился и склонился над тубусом, но ещё раньше сапог Ангела лёг на тубус.

— Он останется здесь.

— Что же, придётся задействовать запасной план.

На руке Посланника вспыхнуло злобное багровое пламя, и печать на тубусе рассыпалась в пыль. Крышка с глухим щелчком отворилась.

Из тёмной глубины, окутанный мглой, выскочил и покатился сгусток, настолько чёрный, что всё вокруг померкло, потеряв цвет.

— Зародыш Тьмы! — Ангел отшатнулся, но было поздно. Сеянец мгновенно выпустил отростки, которые оплели его ступню. Пламя, вырвавшееся из руки Ангела, ударило по побегам, но бесплодно угасло. Длинные, жёсткие плети, словно стрелы, пронзили правое крыло, нанеся увечья, наполнив воздух кровью и перьями. Укоренившись на облаке, они жадно потянулись к Стражу, как к добыче. Ангел отчаянно дёргался, пытаясь высвободиться. Сверкающий меч разрубил ногу по бедро, и та, изливая золотую кровь, упала. Спешно уползая, Ангел взглянул вверх: несколько ярких искорок отделились от Небесного Чертога и стремительно неслись сюда.

— Они не успеют, — покачал головой Посланец.

Ростки, извиваясь, настигли уползающего Хранителя. Словно потеряв силы, он остановился, тяжело дыша. Тьма, издеваясь и продлевая его агонию, поглощала его медленно начиная с правого бока, превращая в нечто похожее на чёрно-белого шута. Стремительно истончающаяся рука рассыпалась пеплом, уронив на землю щитки доспехов и перстень-печатку с символом ключа.

— А вот это мне пригодится. — Посланец наклонился, подобрал кольцо, бросил его в пустой тубус и шагнул в зеркальный портал.

Уход словно вернул Ангелу остатки энергии. Резким движением, опираясь на уцелевшую ногу, он поднялся на колено и сорвал хлыст, шипящий от близости скверны. Взмах — и кончик хлыста обвился вокруг резной короны Зеркала. Мышцы напряглись, и Ангел повис, распятый между хлыстом и щупальцами тьмы, вросшими в поверхность. В наступившей мёртвой тишине

послышался треск рвущихся сухожилий. Зеркало, словно сжалившись, накренилось над полем боя. Оно начало стремительно падать прямо на Ангела. Темнеющий, не до конца затянувшийся проход завибрировал, ощущая приближение Тьмы.

— Матерь Небесная, дай мне второй шанс, — прошептали его губы, пока рука, погружаясь в Зеркало, растягивала плёнку портала. Ослепший на один глаз Ангел отстранённо наблюдал, как левая часть его тела исчезает за зеркальной гладью, пока и глаз не погрузился следом. Коснувшись Тьмы, плёнка Зеркала мгновенно затвердела, разрывая связь. Дикая боль разрезаемого тела отправила Ангела в небытие. Плети тьмы опутали массив Зеркала, пытаясь остановить падение. С грохотом оно разлетелось на тысячи осколков, погребая под собой шевелящийся клубок тьмы. Клубок сжимался, формируя нечто, похожее на искажённое дерево, крона которого росла и тянулась к сияющему над головой Чертогу.

Три, ослепительно яркие, фигуры опустились и застыли над этим древом.

— Никого. Только эта мерзость! — С яростью выкрикнул один. Поток огня из его копья, сотрясая воздух, ударил по кроне Древа Мрака, но оно лишь слегка качнулось, вытягивая ветви в сторону фигур.

— Не расходуй силы, здесь нужно оружие высшего уровня. Перекрыть все проходы. Усилить периметр.

Один из Ангелов мгновенно переместился к самому краю облака и столь же быстро вернулся.

— Владыка, посмотрите.

На его ладони лежал кусок ткани со знаком копья, окружённого лучами.

Наше время: Поиски и Пробуждение

Резкий писк металлоискателя заглушал всё вокруг. Я снова и снова водил катушкой, не веря своим ушам: неужели меня ждёт клад?

Лопата почти сразу же наткнулась на твёрдый предмет, и я принялся разгребать податливую почву. Сначала показались прогнившие доски, изъеденные временем и насекомыми. Расширив яму, я увидел небольшой деревянный короб, когда-то завернутый в мешковину, от которой остались лишь обрывки. Ящик, несмотря на ветхость, выполнил свою функцию, сохранив содержимое. Это был скорее сундук, укреплённый заклёпками и металлическими накладками по углам. Ржавое кольцо жалобно скрипнуло, когда я попытался его сдвинуть. Нужно было окопать его со всех сторон, но жадность и нетерпение подтолкнули к простому решению. Освободив верх, я развязал рассыпающуюся проволоку, скреплявшую замок. Рывком откинув крышку, и остолбенел, не в силах даже вздохнуть. Передо мной лежала гора золотых монет. Солнечный свет играл на гранях, отбрасывая блики. Воздух был пропитан запахом богатства. Пузатый скарабей, словно правитель этого места, сидел на вершине и смотрел на меня сверкающими полированными глазами.

Тяжело дыша, я почти ласково провёл рукой по шершавой спине насекомого. Он был на удивление тёплым, как живое существо.

Дальше произошло нечто невообразимое: скарабей раскладывает крылья, поднимается на задние лапки и увеличивается в размерах. Как хищник с утробным рычанием, он вцепился в мою руку. Вскрикнув, я попытался отскочить, но скарабей обрёл нечеловеческую силу, удерживая меня и пригвоздив к месту. Его челюсти методично перемалывали кости правой кисти. Он раздувался, как напившийся крови комар. Моя правая рука неумолимо исчезала в его пасти. Щелчок челюстей — и я отпрянул, судорожно сжимая здоровой рукой обрубок, отсечённый у самого запястья. Кровь мощными струями хлынула, оставляя красные пятна на всём вокруг. Сундук с золотом, окроплённый моей кровью, выглядел как подношение древним богам. Я закричал... И... очнулся?

Дрожа и обливаясь потом, с бешено колотящимся сердцем, я словно застрял между реальностью и сном, никак не отпускающим меня. Сознание возвращалось медленно, пытаюсь понять, где я. Надо мной покачивался потолок, а я лежал на чём-то мягком, что двигалось в такт... машине?

Я попытался сесть, опираясь на локоть, и ложе подо мной резко накренилось, заставив меня рефлекторно вытянуть руку в попытке, удержаться. Но вместо кисти я увидел хорошо сформированную культю, всё ещё отличающуюся по цвету от остальной плоти.

— Ну ты и глотку рвёшь, даже лёжа! — Проворчал Петруха, яростно крутя руль машины, объезжая очередную рытвину на ухабистой дороге. Он так активно отмахивался от назойливой мухи, что висящая в салоне ароматическая ёлочка завертелась волчком, наполняя воздух едким запахом.

Воспоминания хлынули потоком, окончательно развеяв сон.

Меня зовут Михаил. Детство в приюте научило меня, что всего нужно добиваться самому: держать удар, переносить тяготы и, если надо, наносить первый удар. Но судьба, словно издеваясь, всё, подбрасывала новые испытания.

Морщась, я думал: зачем мне понадобилось лезть спасать щенка из-под колёс поезда? Дрожащий комочек так жалобно скулил, глядя на приближающуюся стальную громаду, что что-то во мне подломилось. Он напомнил мне меня — один против всего мира. Я спас его, но не успел убрать руку. Валясь на пахнувшей хлоркой койке в больнице, я поклялся себе: я никогда, ни при каких обстоятельствах, не пожертвую собой ради других.

Людам с инвалидностью жить непросто. Их жалеют, но стараются не связываться, не замечать. Старую работу я потерял, а новые работодатели обходили стороной: как только видели мою, а точнее, НЕ руку. Сотрудники отделов кадров смущённо отводили взгляд и обещали позвонить... Всё становилось ясно.

Не будь Петрухи, я бы совсем пал духом. Мой сосед по палате оказался полезнее всех моих старых знакомцев. Он был родом из глухой деревни и был самой непосредственностью. Я смеялся, наблюдая, как его гоняют санитарки, когда он забирался на унитаз с ногами — говорил, что так привык.

Увидев, как я, маюсь отсутствием руки, что даже трудом смог подтянуть штаны, протянул мне клочок бумаги с номером:

«Слышишь, братуха, отзовишься по номеру, там тебя доктор починит. Кое-кому из наших он здорово помог. Рука как новая будет, хоть и железяка. Отвечаю»

Поблагодарив, я засунул мятую бумажку в рюкзак и благополучно забыл о ней. Дни, напролёт общаясь с Петрухой, я, кажется, за две недели узнал о нём всё: где живёт, с кем, как сагогон гонит, кличку собаки. Он растрепал даже про самые выгодные места для поиска металлолома — в деревне это был один из главных способов заработка. Поискав усердно, помимо разбитой техники и прочего хлама, можно было найти и кое-что поинтереснее.

От него я и заразился идеей «чёрного копателя». Глядя, как Петруха с гордостью подкидывает старинную серебряную монету (его личная находка), я уже представлял себя пиратом над сундуком с золотом.

«Я знаю место, куда можно сдать находки, проверенное место» — повторял Петруха.

«Давай, заглядывай к нам! Бери звякалку, да как начнём копать — натаскаем всякого добра!»

Меня пленили его рассказы о заброшенных бункерах времён войны, о поместье какого-то графа, жившего там и давно почившем.

«Говорят, там сокровищ не счесть, но мы туда не суёмся. Нехорошее там место»

Когда пришло время прощаться, я, не особо задумываясь, пообещал Петрухе навестить его в ближайшее время.

И вот, выйдя из больницы калекой, помаявшись и видя, как стремительно тают мои сбережения, я наткнулся в рюкзаке на бумажку Петрухи, пахнущую табаком, написанную неровным почерком. Рука сама набрала номер.

Официальный женский голос, спросив о цели звонка, чуть не заставил меня повесить трубку. Подавив это желание, я вежливо поздоровался. Кратко и сбивчиво, стремясь поскорее закончить, я рассказал о совете моего приятеля.

«Пожалуйста, подождите немного»

Я ждал целую вечность, слыша сквозь треск помех динамика тихое бормотание и чужое дыхание. Когда я уже собрался повесить трубку, серьёзный мужской голос, представившийся Анатолием Викторовичем, и пригласил меня на консультацию.

Всё было богато и ультрасовременно. Наблюдая за медсёстрами, чьи фигуры заткнули бы за пояс манекенщиц, я увяз в мягком кресле, заполняя анкету. Мысли мчались вскачь; я подсчитывал, во сколько обойдётся вся эта роскошь, явно мне не по карману. Далее последовали многочисленные тесты и анализы, прежде чем я оказался в кабинете Анатолия Викторовича. Он листал шуршащие страницы толстой папки с моей фотографией на обложке, время от времени оценивающе осматривая меня.

Кашлянув, я решил начать разговор первым.

— Знаете, Анатолий Викторович, я вряд ли смогу оплатить ваши услуги. Здесь потрясающе, но...

— Михаил. Вы хотите руку? Не просто руку, а возможность жить полноценной жизнью? Стать хоть слесарем, хоть музыкантом.

— Да.

— Нам нужен человек рискнуть и стать пионером наших разработок. Наша цель не заработать на вас. Наши спонсоры готовы раскоды на лечение таких смелых людей, как вы. Ваши анализы дают вам право стать кандидатом и ценным испытателем. Ваша травма свежая, а рука ещё помнит утраченную конечность. От вас требуется лишь подписать контракт, а дальше мы обо всём позаботимся. Согласны?

— От таких предложений не отказываются.

— Вот и отлично.

Должен признаться, я был шокирован при первой же примерке. Ожидая увидеть высокотехнологичный гаджет, я увидел громоздкую конструкцию, будто высеченную из руды. Она скорее напоминала часть рыцарских доспехов, и лишь тихое жужжание сервоприводов и гладкие обводы намекали на её технологичность. Вес протеза был значительным, но годы занятий спортом, укрепили меня, и я справился. Удивительно, но как только я его надел, сразу смог пошевелить пальцем, что вызвало горящий интерес в глазах Анатолия.

— Не пугайтесь габаритов. Это опытный образец с особыми функциями. Финальная версия будет выглядеть иначе.

За месяц я освоил базовые движения новой конечности и горел желанием испытать её в реальных условиях, а не только для бытовых нужд. Хотя я неуютно чувствовал себя под пристальными взглядами прохожих, когда выходил на улицу. Но мои габариты, развитая мускулатура, которую не спрячешь под футболкой, и вызывающий взгляд заставляли их отводить глаза. И здесь как нельзя кстати напомнил о себе Петруха.

«Ну где ты? Когда приедешь?»

Моё обещание навестить его и решило дело. Получив разрешение Анатолия, я начал подготовку. Я не любитель долгих сборов, но времени это всё же потребовало. Изучив интернет и форумы, я получил начальную информацию. По совету купил на «Авито» недорогой металлоискатель, лопату Fiskars и комплект снаряжения — всё необходимое для старта. Сменная одежда, бутерброды — и вот я уже еду в поезде, обжигаясь чаем из гранёного стакана, делюсь байками с соседями и просто восстанавливаю силы.

Выскочив из вагона на низкую платформу, я чуть не упал, поскользнувшись на сгнившем яблоке. Дружелюбно помахал соседям, прилипшим к окнам, и, поправив на плече рюкзак, направился к вокзалу. Поезд, коротко гукнув, словно прощаясь, покатиł дальше, оставив меня одного — больше никто не захотел выходить. С недоумением огляделся. Казалось, жизнь здесь замерла. Обшарпанный бетон перрона давно не видел ремонта. Окна вокзального здания были заколочены фанерой и скрипели от ветра. Тишина, нарушенная поездом, начала уступать место стрекоту цикад, гудению шмелей и пению птиц. Я вдохнул густой, пряный воздух и от непривычки закашлял.

Громкий и протяжный сигнал, эхом прокатившийся по окрестностям, был адресован мне. Сбоку здания, откуда уходила заросшая колея, стоял старый УАЗ. Он настолько сливался с растительностью, что казался её частью. Дверца со скрипом отворилась, и оттуда выскочил Петруха. Затянувшись папиросой, он бросил её и раздавил окурок сапогом.

— Здорово, Михалыч.

— И тебе не хворать. Наконец-то добрался.

— Скидывай свой баул, я баньку растопил. Ого, а ты серьёзно собрался! — Он забросил мои вещи и с интересом повертел катушку металлоискателя. — И рука, смотрю, на месте! Красавчик!

— Петрух, я в огромном долгу перед тобой. Без тебя бы я...

— Потом рассчитаемся. А сейчас к столу. Мужики уже ждут. Те, кто ещё в строю.

Почувствовав запах спиртного, я остановился.

— Ты же за рулём?

— Да не парься, здесь не город, никто не остановит.

Глава 2

Проснувшись в трясущейся машине, я массировал гудящую от вчерашних излишеств голову, пытаюсь восстановить память о событиях минувшего дня. Мы оказались в крошечном поселении, где едва ли наберётся десяток дворов. Весь местный люд, похоже, стекался к Петру. Стол, выставленный прямо на лужайке, ломился от яств и крепких напитков, и я, как центральная фигура этого праздника, принимал всё внимание дам, которые не спускали с меня глаз.

Когда наступили сумерки, мы перебрались в дом. Я вышел на крыльцо подышать и перекинуться парой слов со своими новыми приятелями. Рядом с нами коптила баня. Её густой дым закручивался, смешиваясь со стелющимся туманом, растёкшимся по окрестностям. Дом стоял на самой высокой точке холма, и в этом молочном облаке, под тусклым светом луны, казалось, что мы плывём над облаками.

Вдруг на горизонте мелькнул и тут же исчез яркий огонёк. Снова вспышка — и снова темнота. Я напряг зрение, пытаюсь разглядеть что-то, но мрак поглотил всё.

— Что это за свет был? — спросил я Петра, указывая рукой.

— Наверное, самолёт.

— Нет, слишком низко.

— Тогда это старое поместье, я тебе про него рассказывал. Там всякое случается. Особенно в полнолуние.

— Завтра поедem, посмотрим?

— Не советую. Мы туда не ходим.

— Если ты не поедешь, я отправлюсь сам, в одиночку. — Но Пётр лишь отрицательно покачал головой.

Я уговаривал его весь вечер, подстёгиваемый тем, что местные избегают этого места, а значит, там может быть что-то ценное. Лишь поздно ночью, шатаясь, Пётр хлопнул меня по плечу и невнятно пробормотал:

— Ладно, будь по-твоему. Завтра подброшу, сам исследуй, потом заберу.

— Ты меня выручаешь, Петруха! — воскликнул я, но он уже отключился, уронив голову на столешницу. Надо мной кружила звёздная россыпь, прерываемая стремительно мелькающими кляксами, на миг закрывающими небесный свет дальних звёзд. «Летучие мыши», — подумал я перед тем, как окончательно провалиться в сон.

Прибытие к аномальному объекту (Усадьбе)

Нас встретило внушительное здание, напоминающее многоэтажный замок с пристройками по бокам. Правое крыло венчала башня, заметно покосившаяся. Она была словно гигантская пушка, нацеленная куда-то в сторону. Я списал этот наклон на своё вчерашнее веселье, но Пётр лишь усмехнулся, почесав затылок.

— Она всегда была такой, кривой, как х... деда Васи. Моя прабабка рассказывала, что её прабабка видела, как сюда упал камень с небес. Башню поставили прямо по пути его падения. Да и сам дом стоит на этом камне, как курица на яйце — то ли защищает его, то ли нас от него. Уже никто не помнит, но лучше его не трогать.

— А ты говорил, здесь никого не бывает, — я кивнул на свежие следы шин, примявшие траву на площадке, перед входом.

— Хз..., но это точно не наши. Может, городское начальство нагрянуло. Ты уверен, что хочешь остаться?

— Иду. Забери меня через двое суток. Раньше не закончу.

— Как знаешь. Вот, держи гостинцы от ребят. — Он выложил рядом с моими вещами армейский ранец, источавший аппетитный аромат. — И это от меня. — Поверх рюкзака он поставил увесистую бутылку «самогона».

— Благодарю!

— Если что, дай знать, — он протянул мне рацию, тихо шипящую. — Здесь другая связь не работает. Если даже не я, кто-нибудь другой услышит. Извини, устраивайся сам и... береги себя.

Он неожиданно крепко сжал меня в объятиях, аж хрустнуло в костях, затем резко сел в машину. Мотор взревел, машина сделала прощальный круг, мигнула фарами и унеслась, подняв пыль.

Решив начать с главного, я направился к входу — массивным арочным дверям на каменном основании, которое уже вросло в землю. Ступени были стёрты и оббиты. Сбоку стояли постаменты для вазонов, большинство из которых, увы, разбились.

Легко взлетев по ступеням, я ухватился за тяжёлое металлическое кольцо и, замирая сердцем, постучал. Громкий, вибрирующий звук, отдаваясь в зубах, долго гулял эхом между крыльями здания. Я замер, прислушиваясь. Не зная, чего жду, но атмосфера требовала некоего ритуала. Тишина...

«Ну что же», — решил я. Потянув кольцо на себя, я преодолел инерцию времени. Ворота неохотно поддались — смазки, похоже, не было столетиями.

Внутри: Холл былого величия

Переступив порог, я попал в другой мир. Шум снаружи утих, сменившись торжественной тишиной. Пол, выложенный чёрно-белой плиткой, напоминал шахматную доску, и я сделал свой ход, ступив на светлый квадрат. Монументальный холл, достойный королей, обступил меня со всех сторон. Я живо представлял себе здесь гул голосов господ, обсуждающих дела государственной важности, обменивающихся хвастливыми намёками, кокетливых дам, отвлекающих мужчин громкими фразами, и суетящихся между ними слуг с подносами, на которых «потеют» бокалы с искрящимся шампанским.

Витражные окна, поплывшие от времени, всё ещё пропускали цветные лучи света. Под потолком висела массивная люстра, ставшая домом для голубей, которые перетаптываясь, стряхивали пыль с хрустальных капель, наполняя воздух привкусом старины. Стены украшали мозаичные портреты мужчин в старинных мундирах — их снисходительные взгляды лишь подчёркивали былое величие. Их униформа сияла регалиями. Присмотревшись, я понял, что это не живопись, а искусная мозаика. По обе стороны помещения вверх вили широкие мраморные лестницы, некогда покрытые ковром. Гладкие перила так и манили, вызывая ностальгию по детским забавам.

Неожиданная встреча и планы

Я так увлёкся осмотром, что чья-то рука, которая легла мне на плечо, заставила меня подпрыгнуть. Вскрикнув, я, отпрянув и резко обернувшись, нанёс удар своим протезом, целясь вслепую. Звук гулкого удара сменился металлическим скрежетом. Отступив, я увидел передо мной, груду из лежащих обломков старинных доспехов. Фигура, собранная из них, стояла за колонной, и возможно, её ослабевшая рука случайно соскользнула к моему плечу. Поморщившись, пощупал свою руку — рука под протезом немного ныла, но в целом было всё в порядке. Металлическая конечность вела себя исправно, жужжа сервоприводами. Кулак сжимался и разжимался. Хорошо, что ей всё нипочём. А вот доспехи. Я поднял пустой шлем и увидел вмятину от моего кулака.

«Ну и ну! Не доспехи, а консервная банка. К чёрту их!»

Но в инциденте был и плюс: мой первый металл найден.

Несмотря на слой пыли, холл выглядел слишком подозрительно ухоженным для заброшки. Казалось, что кто-то следит здесь за порядком. Посмотрим. Отбросив шлем, я двинулся вверх. Обернувшись назад, я увидел цепочку только своих следов на потревоженном ковре пыли — если здесь кто-то и проходил до меня, то очень давно. Проходя мимо мозаичных

картин, я невольно косился на них, сжимая кулаки. Их пристальный взгляд мне не нравился, но не настолько, чтобы отступить.

Лестница привела на второй уровень. Это было просторное, округлое помещение с колонной в центре, вокруг которой вилась нитка ступенек, убегающих под свод потолка. Вероятно, там располагались технические зоны — сомневаюсь, что хозяевам было бы интересно, ломая ноги, поднимаясь туда. Влево и право из помещения разбегались коридоры, своими прямыми формами и стройным рядом дверей напоминающие интерьер отеля. Некоторые из дверных проёмов были накрепко заколочены досками. Скрипя рассохшимися половицами и обходя провалы, я пошёл по одному выбранному наугад коридору. В этом есть и свой плюс — пройти здесь бесшумно, не предупредив меня, невозможно. Пожалуй, здесь я и заночую.

Я не верю в приведения и всю эту дребедень, но атмосфера, царившая вокруг заставляла меня нервничать. Скрип половиц и резкий щелчок резанул слух. Остановившись, я, оторвавшись от созерцания пола с провалами-ловушками. В дальнем конце коридора я увидел приоткрытую дверь. Клянусь своей феноменальной памятью — минуту назад она была наглухо закрыта. Что-то мелькнуло в проёме — чей-то силуэт периодически загораживал свет, люющийся через открытый проём в сумрак коридора.

— Эй! Выходите. Поговорим.

Наступившая тишина, казалась, стала ещё гуще. Может быть, это чья-то шутка?

«Ну, я вам покажу!»

Я, грохоча тяжёлыми берцами, побежал к двери, оглядываясь по сторонам. Но как только я приблизился, дверь начала медленно, со скрипом, закрываться. Последний рывок, и вытянутая в попытке рука схватила пустоту — дверь со щелчком закрылась. Я силой навалился на ручку и дёрнул.

— Чёрт!

Ржавчина, похоже, была не на моей стороне: металлическая рука оторвала ручку вместе с куском обшивки. Это заставило меня отступить, балансируя и лоя равновесие. И, по закону подлости, моя нога, конечно, выбрала для точки опоры самое неудачное место. Половица с треском провалилась, и я с отборными ругательствами приземлился на пятую точку. Вскочив, я поклялся найти и наказать шутника! Ручка сломалась так, что открыть дверь, стало очень непросто. Из-под щели двери мерцал дрожащий свет, кто-то ходил по комнате взад-вперёд. Мне даже почудилось, что я уловил тихий смешок.

Азарт и желание разобраться во всей этой чертовщине заставил меня сбегать к рюкзаку и принести большую плоскую отвёртку, которая легко сошла за рычаг.

Сейчас, сейчас... Со скрипом и разлетающимися щепками, замок щёлкнул, и дверь распахнулась. Я отступил, держа отвёртку наготове.

Комната оказалась пуста, если не считать мебели, накрытых тряпками. Одну из стен занимал массивный камин — сложенный из крупных камней, закопчённый до черноты. В оконном проёме колыхались лохмотья занавесок — бросая причудливые всполохи света.

«Как и думал! Никакой чертовщины».

Насвистывая незатейливую мелодию, я осмотрелся. Сорвал нелепые чехлы, и комната ожила, наполняясь уютом. Кресло, ещё крепкое, жалобно застонав, приняло моё тело. С наслаждением я вытянул ноги. Интерьер дополняли два стула, слишком расшатанные, чтобы рисковать, и крепкий, как скала, обеденный стол с замысловатой резьбой — работа мастера, да шкаф, некогда с застеклёнными дверцами, осколки которых торчали, как зубы, охраняя его содержимое. В целом, вполне сносное место.

«Пожалуй, я переночую здесь».

Подойдя к окну, я дёрнул штору, стремясь дать волю свету, но карниз, сорвавшись с креплений, больно ударил меня по макушке.

«Бл..»

Всё здесь ветхое, везде нужна осторожность. Пнув ногой кучу из карниза и спутавшихся штор и с ворчанием потирая голову, я выглянул во двор. Вид из окон второго этажа открывался на внутренний двор, который, как и ожидалось, был пуст. Только мои вещи указывали на присутствие внешнего мира.

Стоп!

Мои вещи, которые я складывал в одну кучу, выглядели так, будто кто-то в них ковырялся. Рюкзак сместился и лежал не так.

«Ах ты! Кто здесь? Или это всё-таки животное?»

Беспокоясь за своё снаряжение, я сбежал вниз, сгрёб вещи и вернулся в комнату.

Рация ожила. — Мих, у тебя всё в порядке? Приём.

— Да, чёрт... Обустройстваюсь. Приём.

— Ну, счастливо. Если что — дай знать. Конец связи.

Пора браться за дело, но сначала — меры предосторожности. Творящиеся странности вынудили меня достать велосипедный замок и наглухо заблокировать дверь, ведущую в коридор. Теперь без мощных кусачек не пройти.

Прежде чем исследовать другие комнаты, я решил подняться на самый верх. Держась за шершавую от ржавчины колонну, я зашагал наверх, тщательно ощупывая каждую ступеньку винтовой лестницы. Скрипы и тряска той шаткой конструкции меня совсем не радовали. Верхний этаж представлял собой огромное, открытое для взгляда пространство, с поддерживающими крышу колоннами. Крыша местами протекала, и приходилось обходить лужи, образовавшиеся после недавних дождей. В воздухе висел запах сырости и гниющей ткани. Я морщился, но для порядка водил металлоискателем. Он сходил с ума, издавая назойливый писк, то на миг затихая, то возобновляясь с новой силой. Медленно двигаясь к концу зала, перебирая кучи попадающегося мусора из наваленных предметов. Зал заканчивался дверным проёмом.

Дверь, висевшая на одной петле, отвалилась от одного прикосновения, рухнув куда-то вниз. Поднялась пыль, щипая глаза. За дверью меня встретила темнота. Прочихавшись, я достал фонарь, и его луч, видимый в пыли, как луч лазера, пробил черноту, осветив кирпичную кладку напротив. Я выглянул из-за дверного косяка. Пол отсутствовал — дверь вела прямо в вертикальную шахту. Посветив по сторонам, я увидел лишь часть круглой шахты, уходящей вверх, где свод выглядел голубым пятном чистого неба. Вниз луч света не достиг. Камень из кладки, как мне показалось, падал не менее десяти секунд, пока я не услышал глухой удар.

Остаток дня я потратил на обследование. Сокровища, если здесь и были, спрятаны на совесть. Мой улов: десяток медных монет, пара серебряных и много старого металлического хлама.

Зная, что здесь темнеет быстро, я насобирал валежника и кусков досок прямо из замковых развалин. Этого хватит на вечер, а дальше видно будет.

Поднимаясь, пытая от тяжести поленьев, я ловил насмешливые взгляды с мозаичных портретов и, не сдержавшись, легонько стукнул одного по тыкве. Это меня немного успокоило.

Когда стемнело, я законопатил разбитое окно ветошью, чтобы не дуло, и растопил камин. Сразу стало тепло и спокойно. Огонь грел и тело, и душу. Предварительно подперев дверь бревном на всякий случай, я расстелил спальник прямо у очага, вдыхая густой запах горящего дерева. Наливка оказалась приятной, а еда — вкусной. Так, глядя на пламя, я согрелся и, не снимая протеза, уснул.

Ночной переполох

Бах! Бах! Бах!

Резкий звук вырвал меня из сна. Из рта шёл пар — летняя прохлада сменилась почти зимним холодом. Угли в камине едва тлели, погребённые пеплом.

Бах!

Снова удар — что-то сильно колотило в дверь комнаты. Кто-то или что-то настойчиво пыталось войти.

— Кто там? — рявкнул я. Тишина. — Ну всё! Ты меня допёк, сейчас выйду и тебе пи...!

Я рывком расстегнул спальник и выскочил в одних трусах. Ох, как же холодно! Тело тут же свело судорогой. Быстро одевшись, глянул на часы — три часа ночи. А там, снаружи, может быть небезопасно. Я выхватил из рюкзака свою дубинку-электрошокер. Проверил — яркая искра между электродами придала мне уверенности. В окно — мрак и темнота, внизу что-то рычало и копошилось. Луч фонаря выхватил тощую собаку, что-то тащившую.

— Ах ты, су... Подобранная деревяшка полетела вниз — судя по удаляющемуся вою, я не промахнулся.

Снеся баррикаду, я выскочил в коридор. Пусто. Луч фонаря метался, тени плясали вокруг меня хороводом. Это место меня раздражало всё больше и больше. Если здесь кто и был, то он сбежал. Я не уважаю трусов. Но это и хорошо: раз сбежал, значит, боится. Пора показать, кто здесь хозяин. Осмотрев второй этаж, я решил спуститься на первый. Та же лестница, те же портреты.

Резкий хлопок. Свет выхватил створку входной двери. Она со скрипом приоткрылась, а затем с грохотом захлопнулась так, что задребезжали витражи. Я же её запираю! Сбежав вниз, я рванул дверь на себя и закрыл изнутри засовом.

Едва слышный плач достиг ушей. Источник звука, казалось, он шёл из глубины дома, у подножия лестницы. Ловя прерывающиеся звуки и остановившись перед пузатым комодом, понял, что плач идёт изнутри. Нырнул в его недра и, приложив ухо к задней стенке, я отчётливо услышал всхлипывания.

На стук за стенкой пустота, но никаких кнопок, никаких рычагов я так найти не мог. Сдвинуть комод — невозможно, нужна команда крепких грузчиков. В фильмах обычно поворачивают канделябры или что-нибудь подобное. У меня же не хватило ума найти такое, и я не собирался торчать здесь всю ночь. Пришлось применить свои берцы с железными набойками. Невероятный грохот! Комод, для виду сопротивлявшийся, сдался — задняя стенка вылетела в проход, ведущий круто вниз.

Как только я шагнул туда, фонарь предательски замигал и погас.

«Надо же! Зарядка должна была держаться несколько дней»

Пришлось бегом возвращаться за ветошью, палкой и горючим. Зажигалка была всегда со мной. Собрал импровизированный факел из густо пропитанной вонючей горючкой тряпки, я начал спуск по ступеням, скользким от конденсата. Воздух, дувший снизу, был свежим, совсем не похожий на подвальный. Факел освещал путь намного лучше точечного луча фонаря. Плач стих, но желание докопаться до сути осталось. Идя по извилистому тоннелю, который извивался, как перекрученный шланг, я спускался всё ниже. В местах сужения прохода приходилось идти боком, обтираясь о шершавые стены. Спотыкнувшись напоследок, я вывалился в просторный зал. Подняв факел над головой, я осмотрелся, водя им из стороны в сторону. Масштаб помещения оценить было невозможно: факел, своим светом, смог осветить только стену, теряющуюся в темноте потолка, проём из которого я выпал и плотно утопанный земляной пол. Впереди за границей света что-то темнело, и я, шагнув вперёд, разглядел ряд колон.

Обмотав палку дополнительными лоскутами, щедро пропитанными топливом, я двинулся от стены к предполагаемому центру зала. Уже через несколько шагов стена за моей спиной растворилась во мраке, а впереди появлялся лишь новые колонны, чтобы, уже через несколько шагов, исчезнуть за спиной, во мраке.

Впереди мелькнула вспышка света, и, мелькнув, тут же погасла. Я сжал свою дубинку, и секунду помедлив, пошёл вперёд. Вспышки света стали появляться всё чаще. Через мгновение колонны расступились, и я вышел к круглой площадке. В центре на постаменте стояла купель. Небольшая, размером с тазик. Выточенная из белого камня с тёмными прожилками,

похожего на мрамор, она была наполнена трепещущей жидкостью, которая отражала свет, идущий сверху. Задрав голову, я увидел длинный, блестящий цилиндр башни, уходящий далеко вверх, откуда на меня смотрел лик багровой Луны.

Глава 3

Купель

Передо мной предстала купель, форма которой напомнила о некоем старинном кубке – данью уважения, чьим-то давно забытым подвигам. Изящная полусфера резервуара покоилась на витиевато изогнутых завитушках, словно лодка, балансирующая на волнах. Завитушки собирались и переплетались в единую косу резной ножки – толстой и массивной, которая перетекала в пьедестал — постамент.

«Вот это да!» — мелькнула мысль. — «Может, это и есть мой долгожданный трофей? Посмотрим»

С упоением рассматривая великолепие конструкции, я поднёс к ней факел — чадающий и рассыпающий потрескивающие искры. Отражение пламени от полированной поверхности ослепляло, заставляя жмуриться. Чаша была наполнена наполовину. Жидкость была необычайной – густой, с лениво пробегающими волнами. Она блестела как полированная. Мне она напомнила металл – ртуть или что-то подобное. Наклонившись над поверхностью, я увидел в отражении своё искажённое, как в кривом зеркале, но заинтригованное лицо.

Пробегающие концентрические круги волн, расходились от центра, подчинялись неведомому ритму. Казалось, сама субстанция следовала этому таинственному биению, или же являлась источником.

Воткнув факел в нишу близлежащей колонны, я освободил руки для дальнейших исследований. Призрачный лунный свет, проникавший сверху, в сочетании с тёплым огнём факела, достаточно ярко освещал сцену, где я был единственным зрителем и актёром. В то время как остальное пространство тонуло во мраке.

Ведомый любопытством, я опустил кончик своего электрошокера прямо в сердце этой зеркальной глади. Она обладала вязкостью, сродни густому маслу или клейкому киселю, и слегка сопротивлялось вторжению. Когда шокер с характерным чмоканием покинул субстанцию, место контакта засверкало ослепительным глянцем хрома. Возникло желание проверить электропроводность, но здравый смысл возобладал, удержав меня от риска удара током.

Пока я раздумывал, жидкость, смочившая кончик шокера, медленно и тягуче стекала, возвращая инструменту первоначальный вид. Собираясь в крупные, сияющие капли, она беззвучно падала обратно в чашу. Отсутствие какой-либо угрожающей реакции на мои манипуляции меня успокоило.

Осмелев, я погрузил шокер до самого дна и начал шарить им из стороны в сторону, как рыбак, прощупывающий дно водоёма. Вскоре инструмент наткнулся на что-то. По дну катался предмет, резво уворачиваясь от моих попыток его подцепить. Казалось, он играет со мной, умышлено, избегая контакта. Потерпев неудачу, я выругался и отбросил свою импровизированную «удочку», тяжело дыша и вытирая выступивший пот. Несколько пинков по чаше — всё тщетно, моих сил не хватало. Это поражение лишь усилило моё желание. Запретный плод казался слишком манящим, и я был готов сунуть руки внутрь, если бы не страх перед таинственной субстанцией.

Решив начать с малого, я вытянул палец левой руки, намереваясь окунуть лишь ноготь. И здесь загадочная жидкость преподнесла мне сюрприз. Прямо перед касанием небольшой участок поверхности потемнел, и ноготь упёрся в нечто твёрдое. Ого! Отдёргнул руку, и поверхность вновь засияла зеркальным блеском. Опять приблизился и стукнул ногтем по чуть отвердевшему участку. Жидкость завибрировала и покрылась тонкими иглами, давая понять, что шутки закончились.

«Ну на фиг!»

Пора вводить тяжёлую артиллерию — что мне эти иглы, когда есть железная рука? Я угрожающе поднёс кулак к поверхности. Готовясь к удару, я замер: жидкость не стала сопротивляться, а, наоборот, разгладилась, приняв позицию ожидания.

«Была-небыла»

Растопырив металлические пальцы, я начал погружать их, не сводя глаз с жидкости и ожидая её реакции: готовый в любой момент прекратить эксперимент. Субстанция мягко приняла мою «железную руку». Мне даже показалось, что она слегка обхватила пальцы, притягивая их к себе.

«Холодная»

«Стоп! У меня же протез!»

Но внезапно пробудившееся осязание передало ощущение температуры, и это было невероятно. Настоящее чудо!

«Ну погнали!»

Я глубже опустил руку в центр чаши, пока кончики пальцев не коснулись тверди дна. Уровень жидкости едва достиг двух третей ладони, остановившись у основания большого пальца. Круговыми движениями я нащупывал желанный предмет. Жидкость, огибая пальцы, то густела, будто исследуя меня, то ослабевала, словно пальцы натыкались на пустоты. Ранее ледяная, она начала стремительно теплеть. И, что удивительно, уровень стал падать. Я уж подумал, что задел какой-то сливной механизм на дне, но пальцы лишь скользили по идеально гладкому камню дна.

С упрямством я сжимал непослушные пальцы, ловя вожаемый предмет, но он был неуловим, словно кусок очень скользкого мыла в мутной воде — сжимаешь, сразу выскальзывает. Однако падение уровня жидкости играло мне на руку, сужая предмету пространство для манёвра.

И вот, уже показался его верх! Гранёный камень размером с голубиное яйцо. Весь покрытый зеркальной плёнкой, камень казался сгустком самой жидкости, которая способствует вёрткости: в момент касания уплотнялась, создавая защитную прослойку и отталкивая предмет.

Только когда остатки жидкости растаяли, хаотичное движение предмета замедлилось. Зеркальная оболочка слезла как шкура змеи. Мелькнули острые грани кристалла, алые плоскости которого сверкали ослепительным блеском. Кристалл был весь покрыт сизыми прожилками, напоминающими вены. Мне всё же удалось схватить и крепко стиснуть его в своей металлической руке.

Ликование охватило меня, и желание гордо поднять руку с криком – «Аве, Цезарь!»

Я честно попытался, но неожиданно мышцы руки моментально лишившись сил, и отказали, не выдерживая массы протеза. Потяжелевший кулак, казалось, весил как двухпудовая гиря. Он едва оторвался от дна чаши, чтобы с грохотом и треском рухнул обратно. Кулак судорожно сжался, кроша зажатый предмет. Между пальцев посыпался тёмный прах, пачкая полированное дно чаши. Сухой хруст сменился тихим воем, как будто в руке ожили струи злого ветра. Что-то завожилось в кулаке, пытаясь раздвинуть накрепко сжатые пальцы.

Кулак, действуя по своей воле, ещё крепче сжался, сковывая что-то рвущееся наружу. Резкая, невыносимая боль пронзила ладонь. Словно в меня вонзили раскалённую спицу и стали, медленно вращая, погружать, идя вдоль нервных волокон. Я, корчась, как марионетка, стонал и плакал, будучи прикованным к чаше оковами неподъёмной руки. Однако безумие боли придало мне сил. Схватившись здоровой рукой, со вздувшимися от напряжения мышцами, я с усилием, толчками дотаскил руку до края чаши. Железка, кроша хрупкий обод, перевалилась наружу и потянула меня следом, бросив на пол с глухим стуком. Раскинув конечности, я лежал на спине, ощущая, как острая боль сменяется тупым нытьём.

Рука

Прошли секунды? Минуты? Или часы? Потя и замирая, но мне всё же удалось не без труда сесть. Изменения, произошедшие со мной, меня пугали. Моя рука – она стала неуловимо ближе и роднее, но и обрела свою волю, неподвластную мне. Изучая свою механическую конечность, я двигал пальцами, и внешне казалось, что всё в порядке. Пальцы сгибались и разгибались по моему желанию. Более того, я мог двигать ими в стороны, что не было предусмотрено конструкцией. Появившаяся чувствительность радовала, но отличалась от ощущений здоровой руки. Как будто на здоровую руку надели перчатку. И я чувствовал, как под плотной поверхностью переливалась и двигалась густая жидкость. Движение вызывало щекотку, которая расползалась за пределы металлической перчатки.

Попытался приподнять край гильзы протеза. Материал приклеился к коже, растягивая и тяня за собой. Вблизи я заметил тончайшие, блестящие волокна, соединяющие мою плоть с металлом. Снять протез, похоже, уже не получится.

Перекатывая, как камень, я повернул руку ладонью к себе. В центре ладони зияло ровное маленькое отверстие, ведущее к источнику боли. За гладкими краями ощущалось инородное тело — заноза, которая мешает и колется, но никак не вытаскивается. На моих глазах отверстие затянулось, оставив едва заметный след.

Где-то сверху загрохотало раскатами грома. Странно, прогноз погоды ничего такого не обещал.

Сидя на полу, я в сотый раз пожалел о своей авантюрной поездке. Вокруг происходило нечто настолько абсурдное, что даже закоренелый скептик уверовал бы в высшие силы.

«Ёкарный бабай!»

Я сплюнул густой слюной из пересохшего рта и покачнулся, когда почувствовал первый сильный толчок под ногами. Луч света из дыры в потолке заплесал, а с потолка полетели песок и обломки. В воздухе повис запах пыли.

«Ну вот опять!»

«Да пошли вы! Я вас всех ещё уделаю!» — прокричал я, грозя непонятно кому.

Чертыхаясь, я снял свой армейский ремень и свернул его петлёй. Перекинул через спину, подцепив им свою неподъёмную пока руку, зафиксировав в импровизированной повязке.

«Чёрт, какая же она тяжёлая! Надо валить отсюда, а что делать с рукой разберусь позже».

Держась здоровой рукой за ножку чаши, подавляя дрожь в ногах, я с усилием поднялся, тревожно поглядывая вверх. И тотчас очередной толчок безжалостно бросил обратно на пол. У судьбы на меня были свои планы. Сверху послышался сильный треск и звон. Я подлез под чашу, плотно прижавшись к резной ножке, обхватив одной рукой и подтянув поближе вторую.

В полуметре от меня в грунт вонзился первый кусок длинной трубы, которая задрожала и застонала от напряжения, вибрируя и жужжа, как камертон. Потом ещё один. И ещё. Вокруг посыпался дождь из труб, ржавой арматуры, вперемежку с камнями и землёй. Пространство вокруг осветилось всполохами множества искр, от столкновений. Чаша вздрагивала от сыплющихся ударов, но стояла непоколебимым щитом. Глядя на мелькающие стрелы арматур, я понадеялся на свою удачу. Напрасно! Она повернулась ко мне спиной или кое-чем другим.

Толстый металлический прут, отскочив от гладкой поверхности чаши, взвизгнув, насквозь пригвоздил мою ногу к земле. Затем труба пронзила бок навывлет, а плоская полоса металла, пронзила левую руку. Корчась от боли, я выпал из-под защиты чаши. С грохотом сверху рухнула плита, отрубив мне ногу по самое бедро. Вонзившаяся в землю, плита выглядела как надгробный камень.

«Моё надгробие...» — с ужасом подумал я, видя в её блестящей поверхности отражение своего, искажённое болью лица.

Я замер, не в силах повлиять на творящийся вокруг хаос. А вокруг стоял такой звон и треск, что барабанные перепонки едва выдерживали. Гора из металла росла вокруг меня, но

она и стала моей защитой – новые стрелы, сталкиваясь о нависающие надо мной конструкцию, уходили в сторону или ещё больше укрепляли.

Обстрел прекратился так же внезапно, как и начался. Я оказался в ловушке, окружённый коконом из искорёженного металла. Горячая кровь медленно текла, окрашивая пол. Удивительно, но я не потерял сознание. Боль притупилась, а сознание отстранённо наблюдало за мной как бы со стороны.

«Это конец! Истеку кровью. Обидно так завершить путь»

Я ждал или чуда, или своего конца.

Прошли минуты. Пошевелился, осторожно проверяя, не перешёл ли в иное состояние. Тело повиновалось, а боль почти совсем пропала. Воспоминания, как после ампутации, лёжа под капельницей, чувствовал холод антибиотика, бегущего по венам, нахлынули особенно ярко. От железной руки вверх, по венам, поднималась волна, но не холода – жара. В кровь словно плеснули кипятком. Достигнув сердца, жар заставил его на мгновение остановиться, а затем забиться с удвоенной силой. Жар смыл остатки боли, и вихри, гуляя по телу, проникали в самые отдалённые уголки. Там, где прошла эта горячая волна, кровотечение прекращалось, а раны затягивались, покрываясь рыжеватым налётом.

Я не поверил своим глазам, но труба в боку стала короче. Она шевелилась и подрагивала. Я чувствовал, как она, миллиметр за миллиметром, втягивается в тело, без следа растворяясь, сопровождая нестерпимым щекотливым ощущением. Чудеса!

Лунное сияние бледнело, её лик скрылся за краем отверстия в своде. Факел, шипя как змея, тоже догорал, съедая последние остатки топлива. Последний пшик — и всё погрузилось во мрак.

— Эй! — резкий голос, прозвучавший совсем рядом, испугал меня почище любого рыка. Закашляв, я крикнул во тьму:

— Кто здесь?

— Это я! — голос показался знакомым. Озарение внезапно накатило.

— Петруха?

— Ага. Ты пахнешь тьмой. Рука на месте? Она приняла её?

— Меня завалило, не могу выбраться

— Лежи спокойно.

— Как ты здесь оказался, да ещё ночью?

— Меня привела она.

— Почему ты не зажжёшь свет? Ничего не видно.

— Сейчас доберусь... доберусь... доберусь...

Послышалась возня, топот и скрип металла. Ритмичное бормотание приближалось, смешиваясь со странным повизгиванием. Внутри похолодело. После пережитого сегодня меня уже ничем не удивить, но сомнения в подлинности Петрухи росли.

Голос был похож, но что-то в нём было не то, и ответы звучали невпопад, будто он был не в себе. Может, пьян? Я, застонав, полез в карман, нащупывая зажигалку. Палец провернул жужжащее колёсико, и дрожащее пламя осветило меня, плиту передо мной и кокон из переплетённого металла, окружившего меня. Но то, что приближалось, ужаснуло меня ещё больше.

Там на границе света, двигалось белёсое, худое тело, протискивающееся сквозь решётку. Это была Химера — грязно-серое подобие очень крупной, тощей собаки с двумя головами, растущими из основания шеи. Одна голова была собачьей, с угольно-чёрными глазами и пожелтевшими зубами, пасть которой часто открывалась, пуская слюну. Во второй голове я узнал черты своего приятеля — Петрухи. Его глаза сверкали безумным блеском, а в голосе слышалась фальшивая ирония.

— О, зажигалочка. Есть закурить?

Он протянул руку. Да, у него были руки. Волосатые лапы заканчивались человеческими пятипалыми ладонями с огрубевшей кожей, и лишь на одной не хватало мизинца. Пальцы с обломанными ногтями поражали нечеловеческой силой. Рука Химеры легко смяла металлическую трубу, будто картонную, пробираясь ко мне.

— Я сплю... Или надышался какой-то дрянью, — прошептал я, не в силах оторвать взгляд.

Химера мерзко захихикала обеими головами.

— Хе! Не бойсь. Умрёшь — выпишься!

Дёргая прутья, она расширяла проход, протискиваясь к моему укрытию.

Этой встречи мне необходимо избежать. Зажигалка нагрелась и больно обожгла пальцы. Охнув, я поставил её на плоский камень фундамента чаши. Шарившая рука обхватила холодную ручку дубинки-шокера — уже неплохой аргумент для переговоров.

— Ты не Петруха.

— И он тоже.

— Не подходи, мерзкая тварь. Вали в жо..., откуда вылез.

Химера замерла, изучая меня горящими глазами.

— Зря. Будешь долго мучиться.

Её голос был спокоен, но в глазах я увидел ярость — я его задел.

Металлическая полоса, торчавшая из моего бока, с глухим звуком лопнула, обломившись у основания. Инстинктивно я поймал падающий обломок — и это была моя железная рука. Не знаю как, но мне снова было по силе управлять рукой, хотя гравитация всё ещё тянула вниз. В трепещущем пламени свечи мышцы руки отливали синевой, сверкая тонкими нитями, переплетающие волокна мышц.

«Проснись, тряпка!»

Пронзившие меня копыя метала стали, как если бы им было не одна сотня лет — ржавые, истончённые и рассыпающиеся в труху. Одни за другим они со звоном подламывались и падали на пол. Я упёрся рукой в пол, встряхнулся и окончательно освободился.

«Теперь повоюем!»

— Ну что, шавка! Хвост тебе накрутить?

Одной рукой я сжал шокер, другой, закованной в металл, подобрал увесистую трубу. Неважно, что нет ноги — рана уже затянулась, и в этой тесноте мне и не нужна.

— Ты червь! Сейчас узнаешь, что такое настоящая боль!

— Пошёл ты в жо..! — ухмыльнулся я, глядя в его взбешённые глаза.

Глава 4

Опасно близко, всего в паре метров от меня, горели яростью глаза. Глаза моего противника, в которых читалась решимость подарить мне смерть. И сделать этот переход как можно более мучительным. Но уж что-что, а в гляделки я мог, кого угодно переплюнуть. Своим дерзким взглядом я постарался передать всё, что думаю.

«А не пошёл бы ты! Если мне и предстоит потерять жизнь, я дорого за неё с тебя возьму».

Адреналин горячей волной побежал по телу, а мрачные мысли сменились желанием перехватить инициативу. Неуклюже повернувшись, я задел протезом за трубу каркаса, которая загудела вибрирующим звуком. А это мысль! Даже если это конец, пусть он будет украшен фанфарами! Вслушиваясь в затухающий резонанс, я поднял прут арматуры и с решительным замахом нанёс удар сразу по ряду перекладин.

«Бам...»

Подражая дикарям, я обрушивал стальной прут по окружающему меня каркасу. От первого же удара Химера содрогнулась, её лицо исказилось. Из её уст вырвался некий возглас — то ли брань, то ли мольба, но голос потонул в гудении, заполнившим всё вокруг.

«Бам... Бам. Бам»

Кажется, я сам стал что-то кричать, и всё сильнее и чаще колотил, по импровизированному ударному инструменту. Старая вера в сакральную мощь ритма, которую лелеяли наши предки, оказалась правдой. Секунды назад я думал о смерти, а сейчас пел и чувствовал душевный подъём. Собачья голова пригнулась и с жалобным повизгиванием заматалась, пытаясь утянуть Химеру прочь. Подальше отсюда. Ему невыносимо было находиться в месте, где вибрации проникали во всё вокруг.

Я же ощущал себя внутри музыкального инструмента. Каждая его часть звучала по-разному, вплетаясь в общую мелодию. При этом механическая рука деликатно ассистировала мне, служа незримым поводырём. Без этой внешней поддержки, я, человек, совершенно невосприимчивый к музыке, был бы не в состоянии создать столь причудливый и слаженный звуковой ансамбль самостоятельно.

Химера издала жуткий вой. Её тело начало дёргаться из стороны в сторону, будто ею управляли две силы, борющиеся за право стать доминирующей. Изо рта пса, сжатого в пароксизме, показались пузыри слюней. С закатанными в черепную коробку глазницами, тварь издавала протяжные звуки и бросалась на всё, не щадя даже собственной плоти. Человеческая голова оскалилась, и полились хриплые, булькающие звуки, нечто среднее между лаем и хрипом. Руки схватили за дрожащую голову пса, зажимая уши. Растопырив указательные пальцы, Химера вонзила их прямо в слуховой проход, разрывая барабанные перепонки. Лицо человеческой головы, повернулось ко мне.

— Прекрати! Это всё равно тебе не поможет.

Окружающие меня трубы, засветились фантомным, фосфоресцирующим светом, вспыхивая в такт переливам музыки. И этот холодный огонь неспешно распространялся от эпицентра — места моих барабанных ударов, стремясь достигнуть самых отдалённых точек.

Сосредоточив всё своё внимание на Химере, я в какой-то момент упустил из виду, что и сам начал светиться. Сияние, охватившее меня, было похоже на то эфемерное, призрачное пламя, которое ползло, извиваясь вдоль металлических рёбер конструкции. Внезапно язычки огня вспыхнули на кончиках моих пальцев. Память подсказало название: Огни святого Эльма. Божественное благословение!

Сияние опаляло Химеру. При соприкосновении плоти с этим светящимся металлом, кожа начинала истлевать, осыпаясь прахом. Химера издавала мучительные звуки, однако продолжала неуклонно пробиваться, разрывая сплетения металлических конструкций. Участки

ожогов на её теле почернели, словно язвы, расплзающиеся по всей поверхности. Нечто вроде проклятой испарины начало сочиться прямо через кожу, образуя клубящуюся, чёрную дымку. Внезапно чудовище рывком развернулось ко мне спиной, и его изогнутый, петлями свёрнутый хвост с резким щелчком устремился в мою сторону. Как в замедленной съёмке я видел кончик хвоста – узловатый, уродливый шар, усеянный шипами. Шар, окутанный липким, чёрным туманом, оставляющим за собой тающий след, разрезая воздух, мчался прямо на меня.

«Блин»

Я не успею! Но успела вмешаться механическая Рука. Крепко стиснув обломок трубы, она совершила резкий, молниеносный поворот запястьем, настолько мощный, что мышцы запястья свело судорогой. От удара труба загудела и тут же была отброшена, прочь, столкнувшись со снарядами Химеры. Но свою задачу она выполнила – метательный снаряд, скользя по касательной, был отведён с траектории полёта. Это было так близко, что, ощутимый порыв воздуха обдул затылок, заставив кожу покрыться гусиной кожей.

Сухой щелчок за спиной и меня обдало шрапнелью острых осколков – шар столкнулся с преградой, и хорошо, что не со мной. Химера зашипела своими обеими головами, и рывком вернула себе свой придаток. Хвост, описывая круги, завертелся между ног Химеры, отбивая демоническую чечётку в ожидании удобного момента.

Сзади донёсся скрип, сопровождаемый еле слышным шуршанием осыпающихся осколков. Лицо Химеры вытянулось от удивления, а собачья издала залиvistый лай.

«Чёрт. Что происходит?»

Настороженно смотря на Химеру, я оглянулся через плечо. Источник шума исходил от каменной плиты, которая ранее так не вовремя перерезала мою ногу. Из места, которое остановило движение хвоста, начала расти паутина тончайших трещин, расплзающихся по плоскости. И их количество неуклонно росло. Внешняя оболочка кусками обрушивалась на пол. Разрушение открыло взору идеально гладкую, отполированную до зеркальности текстуру.

Визг, бросившийся в атаку Химеры подсказывал мне, что я на правильном пути и развилка в моей судьбе как никогда близко. Не зная, что дальше делать, на одних инстинктах и не имея чёткого плана, я поднял руку, потянулся и приложил свою ладонь к гладкой, отражающей поверхности.

Едва Кончики пальцев соприкоснулись с поверхностью, я замер, чувствую вспотевшей спиной приближающуюся Химеру. Огонь, мерцающий на кончиках пальцев, беззвучно полыхнув, прыгнул на поверхность, растекаясь по ней, как по луже с бензином. Взрыв подхватил, Химеру и всю кучу металла, подбросив высоко в воздух. Всё, кроме меня. Механическая Рука, опять вмиг отяжелев, пригвоздила к полу и не дала далеко отдалиться от эпицентра взрыва, всего лишь на несколько метров. Химера же, окружённая обломками, кувыркаясь в воздухе, исчезла во тьме пещеры.

Я успел сосчитать три удара сердца, когда металлические конструкции с грохотом и шумом обрушились водопадом вниз. Я инстинктивно зажмурился и прикрыл голову рукой, готовясь к удару. Земля дрожала под весом падающих фрагментов. Но ожидание и неизвестность страшила ещё сильнее. Открыл один глаз, а потом второй, я с удивлением обнаружил, что нахожусь в окружившей меня необычной конструкции, у самого её края. Невиданная сила манипулировала обломками труб и арматуры, словно собирая немыслимых размеров мозаику. Падая, материал трансформировался прямо на лету: длинные части становились короче, а короткие вытягивались, чтобы вписаться в общую структуру. В точках соприкосновения металл плавился и тут же сваривался, образуя безупречные швы. Эта конструкция росла, принимая форму идеальной полусферы, сегментированного треугольными секторами. Центром же являлась плита. Нет. Уже не плита, а массивное овальное Зеркало. Приподнявшись над полом, оно парило в воздухе, попирая законы физики. Осыпавшаяся грязь, шлак и наслоения, были сброшены, словно старая кожа. Широкая рама, испещрённая непонятными гравир-

ровками, мерцала. По поверхности пробежали светящиеся руны. Сама же поверхность Зеркала излучала мягкое свечение, вторя призрачному огню, окутавшему окружающую конструкцию. Внезапно острый, едкий запах, похожий на уксус, ударил в ноздри, вызвав приступ кашля. Я попытался сплюнуть, чувствуя во рту неприятный металлический привкус.

За границей сферы появилась Химера. Прихрамывая, она как зверь стала описывать круги вокруг полусферы, пробуя её на крепость. Раз за разом Химера билась в неё, но со стоном отступала, потирая обожжённые места.

— Мишка, давай договоримся. Отдай руку. Она тебя не спасёт, а жить останешься. Нерушимую клятву дам. Кровью! Золота дам. Много!

Химера взмахнула рукой, как дирижёр палочкой. За границей полусферы начало происходить невероятное — земля вспучилась крупным холмом, выталкивая на поверхность кованный сундук. Крышка откинулась и оттуда, звеня, посыпались крупные жёлтые монеты.

— Это всё твоё. Бери, сколько сможешь.

«Ещё одна ловушка?»

— Какие на фиг клятвы?!

Попытался встать, но отсутствие ноги сделало это невозможным. Попробовал ползти, но движению на четвереньках мешала тяжесть руки. Везде что-то мешало. Но я же не танцор — выход всё равно найду. И, чувствую попой, что мне стоило поторопиться.

Несмотря на мой врождённый скептицизм по отношению к мистике, эта парящая конструкция, была поразительно похожа на проход в иное измерение или мир. Сейчас я готов оказаться хоть на краю света, лишь бы ноги моей здесь не было.

Стремительно сменяющиеся знаки сокращались в длину, словно намекая на критическое иссякание отведённых секунд. Я подозревал, что удержание этого прохода в активном состоянии, кем бы он ни был открыт, требует колоссальных вложений энергии. Не только сам пространственный портал, но и сияние, служащее барьером, ограждающим мою темницу, настойчиво сигнализировали об убывающей шкале времени. Яркость защитного поля тускнела, а способность сдерживать Химеру ослабевала. Чувствуя это, чудовище пустило в ход всю свою мощь, обрушивая на преграду град ударов.

Добраться до портала в обычных условиях — сущие пустяки, всего пара десятков шагов. Однако сейчас, лишённый конечности и оказавшись среди каменной крошки и ям, этот путь превратился в титаническое испытание. Едва преодолев несколько метров ползком, я уже покрылся потом и тяжело задыхался.

Химера, наблюдая за моими мучениями, злорадно усмехалась и всячески пыталась вовлечь меня в беседу, стремясь затянуть процесс. Тем не менее все её попытки оказались тщетными.

Летающие мгновения неумолимо неслись вперёд. Под руку попался тот самый кусок трубы, послуживший мне барабанной палочкой. В моём сознании забрезжил дерзновенный замысел, что неудивительно в эпоху столь же дерзких событий. Размер трубы вроде подходящий. Крепко сжав его, я, стиснув зубы до болезненного хруста, вонзил трубу точно в самую сердцевину алой культи ноги. Волна боли на миг затуманила сознание, но что-то удерживало меня, приглушая боль. Незримые помощники во мне, держали меня за плечо. Продолжая давить, я проталкивал инструмент всё глубже, пока тот с противным скрежетом не упёрся в кость. Я замер, позволив воздуху выйти из лёгких, и ослабил стиснутые до привкуса крови зубы.

Хрипя и чуть ли не воя, я рывком поднялся на колено, опираясь на свой ново обрётённый костыль. Вроде держит.

Ещё рывок и я стою на ногах балансируя. Закинув металлическую руку на перевязь, попробовал сделать первый шаг. Первый получился неплохо. Хоть выглядел неуклюжим, он выполнил своё прямое предназначение — дал возможность перемещаться, туда, куда мне было

нужно. А со вторым вышло фиаско. Оступившись на гладком камне, торчащем из земли, я рухнул на пол. Что меня и спасло. Над головой, свистя, пронёсся ворох острых игл. Химера за стеной с шерстью, вздыбленной иголками с сожалением, смотрела на меня.

«Время, время!»

Набатом билась в голове мысль. Подобрал валяющийся на полу ещё достаточно крепкий деревянный щит, я, поднявшись, поковылял в сторону Зеркала, закрываясь от дьявольских иголок. Щит заходил ходуном, от града ударов, а нога пронзила нестерпимая боль. Она стала как шкура дикобраза. Непростых игл — дрожащих и извивающихся, как червяки, которые всеми силами, стремились поскорее погрузиться в мою плоть. Но победный рык Химеры сменился на рёв разочарования: каждая иголочка вспыхнула, окружённая огнём святого Эльба. Огонь пожирал их, не оставляя даже пепла.

— Стой! Сто-о-о-ой!

Безумно кричала Химера. Пока крик не перешёл в довольное урчание: прутья стали шататься и гнуться, уступая её бешеному натиску.

Сделав очередной трудный рывок, я предстал Порталом. Его поверхность излучала мягкое свечение, легко приняла мою руку, закованную в железо. Чувствуя сопротивление, словно мягкое тесто, я всё глубже проникал под поверхность. Там было тепло, будто принимаешь ванну. Не вынимая руки я, заглянув за край Портала: только пыльная каменная плита.

В какой-то момент я стал терять ощущение своей физической оболочки. Секунду назад я ещё чувствовал, как пальцы двигаются, преодолевая сопротивление, а теперь конечность будто испарилась, растворившись в небытии. Исследовательский азарт завладел мной. Хоть одним глазом, но посмотреть — как там, в зазеркалье? Шагнув ногой прямо в Портал, я медленно погружался в сопротивляющийся кисель. Глаза пересекли тонкую плёнку. И... Меня ослепила кавалькада беспорядочных вспышек света, после чего зрительный орган просто «отключился», будто его никогда и не существовало. Но упорность и любопытство найти дно этой кроличьей норы, толкали меня только вперёд. Крепко ухватившись за раму, как за спасательный круг — я продолжал погружение в глубину. Снаружи осталась лишь малая часть тела, и я медлил, не решаясь окончательно порвать связь со своим миром.

Химеру на какой-то момент была забыта, как незначительный фактор. Но она напомнила мне, что тоже умеет поднимать ставки. Удар, хруст. Резкая боль в боку, переходящая в онемение. Жёсткие лапы рвали меня, погружаясь в плоть. По телу потекли горячие струйки. Пальцы Химеры сомкнулись на моём ребре, хватаясь, как за рукоять, и рывком начали вытягивать из Зеркала. Сквозь волну боли, едва оставаясь в сознании, я, пытаюсь, удержатся, искал в глубине Зеркала точку опоры. Оно не хотело отпускать меня, тянуло, но сдавалось перед бешеным натиском Химеры.

Вот уже левая половинка тела покинула границу зазеркалья. Сквозь кровавую пелену, мой глаз, вернувшийся в мир, смотрел на Химеру, человеческое лицо которой расплылось в победной ухмылке, обнажив жёлтые зубы. Густой смрад крови и отвратительная вонь комком подошла к горлу, вызывая рвотный позыв.

На миг Химера прекратила рывки, упиваясь и любуясь своей победе.

— Успел! Хвала Тьме! Теперь ты мой, жалкий червяк. Теперь не убежишь.

Она замерла, словно в ожидании моей мольбы о пощаде. И слышала мой голос. Но слова были не те, что могли ей понравиться.

— Меня зовут Михаил! А червяков ищи в своей заднице!

Я решил, что сделаю. Судорожно сжатая рука разжалась, отпустив раму Портала, чтобы сорвать с пояса дубинку-шокер. Нажимая кнопку, я молил небеса, чтобы надёжный механизм сработал как надо. Пронзительный треск электрической дуги, смешанный с едким запахом озона, заставил существо, похожее на Химеру, попятиться. Однако она не ослабила своего захвата и пригнулась, готовясь к моей ответной атаке.

И я нанёс свой последний удар. Но он был направлен не в Химеру. Электрический разряд вряд ли бы нанёс ей серьёзный урон. Вместо этого я обрушил разряд на вибрирующую поверхность Портала – ту границу, где наша реальность граничила с иным измерением. Пространство раскололось ослепительным светом и грохотом, разбив Портал на груду фрагментов.

Момент, когда Портал захлопнулся, он буквально разрубил меня пополам, поделив мою сущность между двумя мирами. На исходе последних мгновений я почувствовал невероятное умиротворение. Меня подхватили чьи-то нежные руки. Вокруг витал аромат озона, как после грозы, смешанный с запахом перьев, такой же, как в голубятне моего деда. Моей последней надеждой было оказаться в раю и встретить там своего небесного покровителя. Я очень надеялся, что попаду на небеса и встречу там своего Ангела.

«Мама» — прошептали немеющие губы.

Пробуждение

Нет. Длинного светового туннеля я так и не увидел. Секунду назад я отчаянно бился за своё существование, а теперь, сомкнув веки, ощущал под собой жёсткую поверхность. По ноге ползла щекотка, как будто в штанину залез муравей. Левая половина туловища скована и обездвижена онемением, ощущалась как заключённой в плотный, ворсистый кокон. Подрагивая по своей воле, она издавала шуршание и скрип. Я не мог пошевелить даже кончиками пальцев, несмотря на все мои усилия. Возникла тревожная мысль: а существует ли вообще левая сторона моего тела? Воспоминание вихрем ворвалось в мою голову.

«Ох, эта мерзкая Химера!»

Правая конечность подавалась с усилием, но всё же работала. Паралич захватил лишь половину тела.

Мне удалось раскрыть веки. Вернее, только одно. Второе упорно не желало открываться, хотя я ощущал его присутствие. Ресницы чуть шевельнулись – это был явный признак того, что глаз вот-вот заработает. Надежда ещё теплилась! Я бы с радостью поспешил ему на помощь, используя руку, но боюсь, моя механическая рука не справится с такой деликатной задачей.

Осознавая, что я пережил крушение порталного прохода, я недоумевал, каким образом сохранил жизнь. Меня же буквально разорвало надвое! Однако, будучи в Царстве Чудес, возможно абсолютно всё. Мне и представить было, что в мои года придётся поверить в небылицы.

Надо мной простирался свод в форме арки. Серые стены взмывали ввысь, подпирая купол. Лишь на самом верху, сверкали многогранные отверстия окон, украшенных цветными витражами. Их свет пронизывал застоявшийся, полный пыли воздух, словно сфокусированные лазерные лучи. Прямо под куполом суежилась стайка белых пернатых. Хлопая крыльями, они нарежали круги, объёмы помещения позволяли им описывать широкие круги.

«Голуби»

Промелькнула мысль. Мелкий пух от их энергичных движений, неспешно опускался и падал на меня, щекоча лицо.

«Как бы не насрали»

Некстати промелькнула нелепая мысль. В носу щекотало и чесалось от едкого запаха перьев. Чихнул. У меня с детства аллергия на перья.

«В голубятню, что ли, попал?»

Внезапно без моего ведома, мой левый глаз сам собой открылся. Радость от этого открытия была недолгой, поскольку моё сознание испытало резкий шок. Картина реальности, воспринятая левым глазом, радикально отличалась от привычной. Пространство и предметы искажались, теряя привычные размеры и очертания. Там, где правый фиксировал однообразную, лишённую яркости каменную кладку, левый глаз различал богатую палитру оттенков, улавливая рельеф и трёхмерность мельчайших неровностей, оставленных рукой строителя. Казалось, этот глаз обладал повышенной чёткостью и вниманием к деталям. Было даже подобие зума: птицы, парившие под потолком, мгновенно оказались ближе. Я мог по виду понять состоянию

пера, старое оно или свежее, увидеть каждое волокно. Контраст между глазами, был настолько сильным, что вызывал мучительную боль в голове, вынуждая меня закрыть глаза. В итоге поддался лишь правый. Левое же око, вопреки желанию, лишь слегка сузилось.

Криво зашевелился рот, рождая слова, которые я не говорил.

— Святые Небеса! Значит, я ещё не ушёл дорогой смерти.

«Что это за очередная чертовщина?»

Внезапная конвульсия пронзила тело, заставив меня резко подняться в сидячее положение. Мышцы половинок тела, хоть и не в унисон, приподняли корпус.

Появилась возможность рассмотреть себя.

Правая конечность выглядела совершенно обычной и человеческой: мускулистой, с волосяным покровом, в которой я узнал свою ногу. Лишь тонкие, тёмные прожилки, похожие на паутину, проступали сквозь кожу.

Левая же нога повергла меня в шок. Пятка почти полностью отсутствовала. Виднелся лишь небольшой выступ, завершающийся острым, рудиментарным пальцем, смотрящим в противоход остальным. Спереди стопа имела всего три длинных пальца, оснащённых крепкими когтями — это была конечность хищной птицы, увеличенная до чудовищных размеров.

Всё туловище было покрыто белоснежным оперением. И это был не наряд или маскарадный убор — перья росли прямо из плоти. Разделение между двумя половинками тела проходило чёткой, почти идеально прямой линией, начинаясь в паховой области и идущей вверх. Эта граница алела мучительно зудящим шрамом.

— Что за чёрт?!

— А-а-а-а! Как?

Два разных голосов слились в один. Мой хриплый и звонкий, неведомый мне.

Глава 5

Знакомство.

Вся эта ситуация показалась мне настолько нереальной, что разум просто отказывался её воспринимать. Инстинктивно я метнулся в сторону, стремясь дистанцироваться от этой странной, инородной *части*. Наши общие конечности, раздираемые противоречивыми командами, дрожали и хаотично двигались: скручиваясь и выписывая немыслимые пируэты. Сильная дрожь, вызываемая спазмами, волнами гуляла по телу. Ещё свежий шрам потемнел и набух, наливаясь кровью, которая мелкими каплями проступила сквозь кожу, смешиваясь с холодным потом. Едкий букет ароматов — металлический запах крови, пот, перья и какой-то чужеродный животный дух — создали резкий коктейль.

— Остановись, безумец! Не пытайся овладеть телом. Кто бы ты ни был, подумай о последствиях! Твои действия приведут нас к гибели!

Резкий голос, привыкший отдавать приказы, ударил плетью. Ну что же, в его словах есть резон. Опираясь на мощь этого голоса, как на крепкое плечо, моё сознание начало постепенно приходить в норму.

Сделав резкий, прерывистый вдох, я сомкнул веки, стараясь максимально изолировать себя от всего происходящего вокруг и позволить себе обмякнуть. Разгорячённое тело мягко опустилось на холодный пол, колющий от песчинок и острых камешков. Сосредоточившись на слухе, стал использовать те каналы восприятия, которые не несли угрозы.

Здесь я всего лишь незванный гость — беглец из родных земель. Первостепенная задача — оценить ситуацию: выяснить, в каком месте оказался, и разобраться в местных обычаях и устоях.

Мой собрат по этому дикому симбиозу демонстрировал поразительную скорость адаптации. Пока я едва мог пошевелиться, он уже неплохо контролировал свою часть, а порой и вовсе брал на себя управление моей, не спрашивая моего согласия. Я чувствовал, как он исследует меня и почему-то раздражённо фыркает.

— Эй? Кто ты?

Рот с трудом шевелился, и мне задать вопрос было очень непросто. Вместо ответа получил лишь ледяное молчание.

— Я что умер?

— Тебе бы следовало! Твоё нахождение здесь невыносимо для меня, — прозвучал сухой, колкий ответ.

Не привыкший к такому пренебрежению, я начал закипать. Острое слово рвалось наружу, но всё-таки взял себя в руки и спокойно продолжил.

— Ну, так в чём же дело? Почему тогда не закончишь то, что до тебя начали другие?

Он скрипнул зубами.

— Прикуси язык! Пока наши тела переплетены, у тебя ещё есть время насладиться прелестями жизни.

Нос зашевелился, несколько раз глубоко втянув воздух.

— Мерзкий запах человека.

Опять звук втягиваемого воздуха. Готов поклясться, в голове гуляли совсем не мои мысли.

Вихрем проносились обрывки воспоминаний, чужие ментальные потоки. Я тщетно пытался зацепиться за образы, но они ускользали, стоило лишь протянуть к ним. На мгновение перед взором материализовалась страница из истрёпанной временем книги. Изображённый рисунок представлял собой нагромождение наложенных друг на друга сюжетов, которые никак не удавалось разобрать.

Внутреннее раздражение кольнуло меня. Тот, за чьим сознанием я наблюдал, осознал моё присутствие. В тот же миг вид окружающего мира померк, вернувший себе привычный вид. Словно в ушах возникла плотная ватная пробка. А чужие мысли перестали докучать меня. Я несколько раз моргнул, ошеломлённый этими переменами. Я вернулся в собственное тело, контролируя лишь собственные органы чувств.

— Ага! Что ты скрываешь? Что это у тебя?

Его рука схватила мою и отдернулась, как будто схватила головешку. Он зашипел, дёргая рукой, словно обожжённый.

— Железо? Ты из Храмовиков? Или охотник за головами?

Снова схватила, только теперь уже ближе к локтю, выше протеза, и с такой силой, что я поморщился.

— Полегче!

Я потянул на себя руку, но она была как в тисках.

— Мать Небесная!

Похоже, его замешательство было столь всеобъемлющим, что внутренний ментальный барьер дал сбой. Через моё сознание хлынул неконтролируемый поток визуальных образов.

Я узрел свою конечность через призму чужого взгляда. Рука, ставшая полупрозрачной, просматривалась насквозь, как под рентгеном. Кости, мышцы и внутренние органы призрачными тенями раскрывались предо моим взором. Под железной бронёй моего протеза скрывалось множество механизмов, работавших единым организмом. Валы, зубчатые передачи, сервоприводы — я сомкнул кулак, любуясь их слаженной работой.

Внутри этого сложного, технически совершенного механизма перемещалась густая субстанция, которая ослепляла ярким, обжигающим светом. Её поведение не поддавалось логике: она могла сгущаться настолько, что полностью скрывала вращающиеся детали, а затем становиться почти эфемерной, едва различимой для глаза. От этой субстанции во все направления расходилось множество переплетённых между собой нитей, как будто она была пауком в центре паутины. И я заметил, что эта паутина проникала за пределы моей металлической руки, образуя плотные, сияющие сгустки в том месте, где по телу шёл шов рубца.

А то, что скрывалось в моей ладони протеза, похоже, было его добычей: кокон из сияющих нитей плотно охватывал вытянутый объект. Заключённое внутри яростно боролось: по барьеру, пробегали выпячивания. На моих глазах что-то тараном ударило изнутри, и из раскрывшегося разрыва вырывались извивающиеся, угольно-чёрные отростки. Там, где эти щупальца обрели свободу, реальность вокруг искажалась, теряя привычные очертания, а предметы теряли свои свойства. Щупальце коснулось зубчатого колеса механизма, и оно, почернев, тут же рассыпалось в пыль.

Этим выпадам чёрных отростков противостояли новые волокна. Опутали отростки, впечатывая их обратно и мгновенно латая прорехи надёжной заплаткой. Стремясь восстановить повреждение, нити с невероятной быстротой, укладывались слой за слоем, формируя заново и восстанавливая разрушенный механизм.

Внезапно, перед взором, возник образ стройной девы в сияющих доспехах, за спиной которой развевались крылья из жгутов лент. Сияние её облика и наряда было столь ослепительным, словно она явилась из самого огненного жерла. Её свет был так похож на сияние нитей в моей руке. Из рук Архангелов, она принимала искрящийся, багровый кристалл.

И так же внезапно, как и появились, все эти картины растаяли, не оставив и следа.

— Каким образом?! Твоя длань! Откуда она?

Выплывая из видений, я лишь промычал, что-то неразборчивое.

— Я докопаюсь до сути этой загадки. Вставай.

Его рука потянула мою, помогая подняться.

Второй раз мне это получилось легче. Тело живее, чем ранее откликнулось, на мои команды. Напрягая глаз, я с любопытством всматривался в половинку тела симбионта и чувствовал, что его глаз с не меньшим любопытством изучает мою. А посмотреть было на что!

Тело существа обволакивал густой настил из перьев, некоторые из которых были большие и жёсткие, а другие — нежные, напоминающие пух. Этот покров лежал плотно и ровно, словно черепичная кладка. При каждом движении перья двигались, издавая сухой звук, похожий на шелест бумаги.

С любопытством я протянул конечность и приподнял край этого одеяния. То, что открылось взору, так это бледная, почти синеватая кожа. Видимые под перьями бугорки перьевых сумок, казавшиеся отёчными, и напоминали угревую сыпь.

Без всякой видимой причины я потянулся к какому-то крошечному пёрышку и дёрнул, сразу ощутив резкий укол. После небольшого сопротивления перо отделилось, оставив на коже крошечную каплю, крови.

Охнув. Он схватил меня за руку. Перья зашевелились и приподнялись, как вздыбленная шерсть у кошки.

— Отрыжка Бездны!

Его рука схватила моё ухо, как нашкодившего пацана, больно защемив пальцами. Осклившись, я ударом кулака сбросил его руку. Мгновение спустя, мы уже кубарем неслись по полу, обмениваясь жёсткими толчками и тумаками. В разгаре этой яростной схватки я совершенно потерял счёт — кто из нас больше получает. Оба мы в той или иной степени ощущали последствия каждого удара.

В какой-то миг опора пола под нами исчезла, и с коротким вскриком мы рухнули вниз, покотившись по наклонной стене. Покрытые остатками слизи, она была настолько скользкой, что раскинутым рукам было не зацепиться. Скольжение замедлилось, лишь когда мы достигли дна и по инерции стали подниматься вверх по противоположной стенке. Все грязные, мы, катаясь, как шарик-маятник, одновременно изрыгали проклятия — каждый по-своему.

Кое-как остановившись на дне, пытались подняться, вяло переругиваясь.

Мы оказались на дне бассейна, имеющий форму полукруглой чаши. Стенки, сложенные из каменных плит, были так плотно подогнаны, что швы почти не угадывались. Слизкое покрытие камней делало попытки встать почти невозможным. Высыхающая слизь коркой стягивала наше тело, вызывая сильный зуд.

Мой собрат поднял испачканную руку, приносясь к пузырящейся слизи.

— Бассейн возрождения. Так я и думал!

— Какой на хрен бассейн?! Где мы?

Меня прервало тихое, недовольное бормотание и старческий кашель. Из-за края бассейна к нам приближались чиркающие звуки. Скользя и широко расставив ноги, мы поднялись, ловя ускользящее равновесие. Я выставил вверх, закрывшись в обороне, руку, туда, откуда к нам кто-то приближался. Мой собрат, расправив за спиной крыло, и упёрся им, используя как дополнительную опору. Взмахнул своей рукой, он, словно прямо из воздуха захотел выхватить своё оружие. И теперь он с удивлением смотрел на свою пустую руку — что-то пошло не так.

— Близость железа твоей руки, ослабляет меня!

Из-за края показалась связка прутьев, которая обдала нас брызгами мелких камешков, весело покотившихся по высыхающему склону.

— Что за хрень? — выплюнул я нехстати попавший камешек в рот.

На краю бассейна показалась сторбленная фигура. Её руки держали черенок, оканчивающийся пушистой метлой. Равномерными взмахами фигура сгребала мусор с пола и взмахами метлы отправлял прямо в бассейн. Фигура напоминала пожилого старца, занятого своей работой. Кутаясь в просторный балахон, старец зябко ёжился. Двигаясь неуклюже, он, постоянно подворачивая ногу.

Чувствуя, что мой собрат готов разразится гневной тирадой, я его опередил:

— Эй, почтенный. Здоровья вам.

Старец вздрогнул.

— Кто здесь?

Суетливо двигаясь, сорвал из крепления на стене чадающий жирным пламенем факел и наклонился. Прищуренные глаза внимательно изучали нас. Лысая голова блестела в полутьме, отражая свет факела.

— Много чуждого успел повидать, но ты... Это как безумный эксперимент.

Ангел взмахнул белоснежным крылом, поднявшим облако брызг.

— Ты видишь перед собой Высшего. Ангела. Преклони колени и назовись!

— О-хо-хо. Боюсь, я слишком стар, и мои колени не выдержат таких церемоний.

Ярость и презрение Ангела обожгла меня, наша связь становилась всё крепче.

— погоди. — Перехватил сжатую в кулак поднимающуюся руку Ангела.

— Отец, где я? Мы...

— Известно где. Храм богини Хладного Металла. А теперь — два полуизгоя, вы должны покинуть это место.

Он пригрозил нам своей метлой.

Глаз Ангела задёргался. Одним движением он отбросил мою руку.

— Да как ты смеешь это говорить — мне! Зови вашего Главу. Отправь гонца в Дом Высокого Престола: скажешь, что Анемил ждёт в храме.

— Не выйдет! Уж не знаю, где ты всё проспал, но Дом Высокого Престола сгорел в магическом пламени, унеся с собой полквартала.

— Как? А что же Ангелы?

— Ангелы заперлись в Высоких Чертогах и закрыли все порталы. Ходу теперь туда нет. У нас война назревает. Если наш Глава и узнает, что вы здесь, то вас ждёт в лучшем случае подземелье. Нет у нас сейчас Ангелов. Ни одного.

Тяжёлое молчание воцарилось надолго. Перья Ангелы встали дыбом, а кулаки бесцельно сжимались и разжимались.

— Это всё неправда, заговор против нас. Мерзкие людишки! Ваши игры погубят этот мир. Надо было вас ещё раньше сковать.

С яростью выдохнул Ангел.

— Уже пробовали. — Спокойный голос был твёрже железа.

Я примирительно поднял руку.

— Стоп, стоп, стоп. Прошу вас успокоиться. Отец, что теперь будет с нами?

Старец шагнул в сторону, пропав из виду. За время его отсутствия мы, раздираемые тревогой, раз за разом пытались выбраться из скользкой ловушки. И когда у нас почти получилось, и ногти руки Ангела вцепились в шершавый край бассейна, появившаяся нога Старца лёгким толчком сбросила нас вниз.

— Не спеши.

Ангел зашипел как кошка.

— Ты-ы-ы...

Старец швырнул нам свёрток, который оказался просторным плащом с глубоким капюшоном.

— Под этой одеждой вы можете скрыться от любопытных глаз. Молитесь вашим богам, и возможно, они укажут вам правильный путь.

— Ты нас не сдашь?

— Не сейчас. Но для вас время бежит как резвая лань. Уходите.

— Ты нам поможешь выбраться? — спросил я, одевая с помощью Ангела плотную и шуршащую одежду. Было крайне неудобно стоять в яме, задрав голову смотреть на скрестившего руки Старца.

— Именем Великого Магистра откройте! — В дверь заколотил крепкий кулак. Скрип и треск ломающегося дерева наполнил помещение. — Живо!

Неведомая немощь внезапно одолела нас, точно на плечи опустили свинцовое покрывало. Воздух стал как кисель, и каждый вдох требовал титанических усилий. Ангел сник, склонив голову на грудь. Его губы едва шевелились.

— Инквизиторы.

Вес его половинки тяжёлым грузом лёг на мои плечи. Рука Ангела безвольно повисла, а мышцы ноги превратились в желе. Рухнув на пол, прижавшись щекой к холодному камню, я с закипающей яростью смотрел снизу вверх на Старца.

Странно, но на меня воздействие было слабее, чем на Ангела. Я чувствовал свою силу, но словно частично потерял доступ к ней. Чувствуя безвольно повисшего Ангела, его панический ужас — раз за разом мучил свои ослабшие мышцы. С высоты на нас смотрел Старик. Он даже не пошатнулся, словно немощь никак его не касалась. Он как стоял, опершись на метлу, так и остался стоять, лениво отмахиваясь от жужжащих мух.

— Гончие близко.

Язык как будто занял весь рот, а едва шевелящиеся губы прошамкали:

— Помоги. Я ведь чувствую, что ты можешь.

— Я вам не нянька. Хочешь жить — шевелись.

Кончик его ноги толкнул мелкий камень, который, весело подпрыгивая, покатился по склону. Больно ударив меня в лоб, камень отскочил и последний раз перевернувшись, замер в центре ямы. Фокусировавшиеся глаза разглядели широкое кольцо, вдавленное в пол. Я глянул на Старика и уловил едва заметный кивок.

Под внимательным и таким явно нестарческим взглядом, я стал медленно подниматься, закусив губу от тяжести расслабленного тела Ангела. Сначала на четвереньки. Потом с упором на одну ногу, вторая — Ангела дрожала и подгибалась, не держа веса тела. Стоя и качаясь, я не мог шагнуть ни шагу, а кольцо было всего лишь в одном шаге. Ноги дрожали и предательски подгибались. Бесполезно я не осилю.

Может всё-таки дождаться тех, кто рвётся в зал, выламывая дверь. Они разберутся и поймут. Это не мой мир и не мои проблемы. От этих моих мыслей в глазах старца, словно он их прочитал, мелькнуло презрение и сожаление. Он сгорбился и повернулся ко мне спиной.

Хлоп.

Я с силой нанёс себе пощёчину.

Хлоп. Хлоп.

Из разбитой губы закапала кровь.

«Меня зовут Михаил, и никто не будет диктовать мне свои условия»

Боль прояснила голову, разогнав туман. Я всеми чувствами потянулся к ноге Ангела. Пытался принять её как часть себя. Говорил с ней и как это глупо не выглядело, гладил. И она ответила мне. Сначала шевельнулся палец, нога с трудом и задержкой ответила на мои призывы. Первый шаг дался легче, чем я мог надеяться.

— Михаил, не зря тебе дана сила, но она может и погубить. — Донесли в спину слова.

С трудом наклонившись, я шарил своим протезом по полу в попытках подцепить кольцо, оно звякало, но упорно уворачивалось от моих неуклюжих пальцев. Кровь прилила к голове, а капли пота капали на пол.

«Чёрт. Чёрт!»

Мои пальцы слишком неповоротливы, а кольцо слишком мало. Я сжал кулаки. Кулаки? Рука Ангела повинуется мне? Пока только кулак. Остальная часть руки безвольно висела.

Сначала робко, подвёл острые когти руки Ангела под кольцо, подцепил и, зажав его, потянул.

Пальцы, не выдержав нагрузки, раскрылись, выпуская кольцо. Ещё попытка – опять неудача.

«Сука»

Схватившись за кольцо, я, своей железной рукой накрепко сжал раскрывающиеся пальцы Ангела. Теперь двумя руками.

Рывок. Раздался тихий скип. Ещё рывок – пальцы Ангела пронзила боль. Кольцо с неохотой стало пониматься, вытаскивая за собой штырь.

Раздался щелчок. Вокруг нас открылась щель, шириной в палец. Секундная задержка и часть пола, как люк, откинулась, бросив нас вниз.

Подземелье

Шлёпнувшись, я мельком увидел наклонный туннель, по которому мы с нарастающей скоростью заскользили. За спиной послышался шорох и скрип: люк вернулся на своё место.

Я чувствовал себя как в трубе аттракциона аквапарка — череда поворотов и изгибов, где мы с силой шлёпались об стены, пока летели в полной темноте. Казалось, этому не будет конца, но пройдя очередной поворот, я почувствовал, как пол подо мной пропал. Короткий миг полёта — и с коротким вскриком рухнул в воду, от неожиданности изрядно хлебав. Забил руками и ногами в страхе утонуть, но ноги почти сразу коснулись дна, и я резко встал, отплёвываясь и кашляя. Уровень воды едва доходил мне до пояса.

Завозился Ангел, приходя в себя. Давившая слабость спала, как будто её и не было.

— Где мы? Что произошло.

— Просыпайся, соня. Мне уже надоело нести твою тяжёлую тушу.

Кх..кх.

— А где этот старый наглец?

— Хз. Свалили от него ну и ладно. Провалились в открывшийся люк и прилетели сюда в какую-то лужу. Всё бы хорошо, но здесь ни зги не видно.

Я беспечно водил руками по тёплой, журчащей воде, оставляющими за собой слабо флюоресцирующий след.

— И ты так спокойно стоишь?! Мы же под Городом На Горе! Здесь, в подземельях, всякое водится.

Я похолодел, прислушиваясь к окружающим звукам. Но услышал только звук падающих капель.

Половинка Ангела тянула меня куда-то в сторону. Спотыкаясь, я подчинился его настойчивой воле.

— Смотри под ноги человек.

— Так не видно же?!

— Ущербный. Поблаговаришь потом.

Тьма вокруг стала отступать. Света стало не больше, просто тьма вокруг превратилась в сумерки. Цветовое разнообразие исчезло, сменившись оттенками серого. Дальние объекты всё так же терялись во мраке, а ближние обрели особую чёткость. У меня, по крайней мере, появилась возможность понять, где мы оказались.

Это была просторная пещера, дно которой сверкало от разлитой воды. Из потолка, оскаленными зубами, торчит ряд широких труб, одна из которых капала тягучими каплями. По бокам пещеры в разные стороны разбегались широкие проходы, грубо вырубленные в твёрдой породе. Их было не меньше десятка. Тёплый воздух пах сыростью и плесенью.

Земля под ногами порождала еле уловимую вибрацию, будто где-то глубоко внизу гудел исполинский агрегат.

— Что там внизу? — спросил я.

Мой спутник, Ангел, издал нечленораздельный звук.

— Всё, что поглощает жизнь. Не хочу об этом говорить.

Вдруг что-то липкое прикоснулось к моей ноге, чуть выше колена. Меня пробрала оторопь, и я подскочил. Там присосалась длинная мерзкая лента.

— Это Паразит Заразы. Они охотятся за скверной и пьют её. Подними ногу.

Ангел щёлкнул пальцами. Я замер в ожидании реакции. Прошла пара мгновений, и он щёлкнул снова, но ничего не произошло. Стоять на одной ноге в воде, как цапля, было довольно нелепо.

— Ну как? — спросил я.

Поток незнакомых слов не нуждался в переводе.

Утратив надежду на его помощь, я схватил Тварь рукой. Она забилась, словно змея на раскалённом железе, отцепилась и раскрыла свою пасть, усеянную мелкими зубцами. Я услышал тонкий, пронзительный визг. Мой кулак сжался, и писк оборвался. Существо лопнуло и начало разваливаться на части, точно перезрелый плод.

— Быстрее уходим. Она здесь не одна.

Ангел кивнул, указывая на приближающиеся волны, разбегающейся воды.

Понюхал воздух, он удовлетворённо хмыкнул и быстро повёл в один из проходов, поминутно оглядываясь назад. Раздвигая воду, мы углублялись всё дальше. По ощущениям туннель вёл куда-то вверх. Уровень воды стал падать, пока не превратился в тонкий ручеёк, текущий в углублении пола.

Хватаясь за шершавые стенки, мы медленно продвигались вперёд. Ширины туннеля хватало, чтобы придерживать себя обеими руками, чем и воспользовались.

С каждым шагом нарастал странный шум, похожий на шум прибоя. Коридор вывел нас в зал, стены которого терялись за пределами нашего восприятия.

— Эй!

Крикнул я из-за своего ребячества. И услышал ответ. Эхо, гуляя между стенами, отвечала мне разными голосами. Шум шёл откуда-то сверху. Где-то впереди ярким пятном светилось отверстие в своде, бросая блики на возвышающийся холм, сталагмитом тянувшийся к отверстию в своде.

Шум был хором из множества голосов. Кто-то ругался, смеялся, пел, кричал или плакал. Прислушавшись, можно было разобрать даже отдельные слова.

Я шагнул вперёд, и под ногой скрипнуло. Потом ещё. Ноги скользили и проваливались в гальке под ногами. Их правильная форма меня заинтересовала. Наклонившись, я подобрал горсть. Это же монеты! Разных размеров и форм. С вензелями и ликами правителей. Круглые, гладкие, с рифлёной гранью, квадратные, с отверстием посередине. Это было множество форм и размеров. Откуда здесь такое сокровище?

— Ах вот где мы оказались.

На мою вопросительно поднятую бровь Ангел ответил:

— Колодец Откупа Грехов.

Склонившись, я с живым интересом зачерпнул горсть монет. В полумраке этого помещения они сверкали каким-то загадочным, манящим блеском.

— Брось! Не тревожь мёртвые души.

— Чего?

— Ты глуп, раз не знаешь их связи с посмертием.

Раздался тихий звон колокольчика под сводом, из отверстия в потолке вылетела монета. Блеснув в воздухе, монета стукнулась о вершину холма и покатилась вниз, к самому подножью. Гора из монет задрожала, как будто в возбуждении.

— Вот и нет ещё одного человечка. Брось, говорю, не буди Привратника.

Поворачивая руку, ладонью вниз, я с сожалением смотрел на звонкие падающие монеты. И лишь последнюю ловким движением мизинца спрятал за тыльной стороной ладони. Не заметил святоша... Кашлянув в ладонь, я незаметно отправил её в карман туники.

— А где здесь выход?

Ангел пальцем указал вверх.

— Смешно!

Мои слова прервал тихий шорох. Пик из скопления наваленных монет пришёл в движение. Глаз выхватил вершину, которая пучилась, осыпаясь по бокам струями, словно вулкан, изрыгающий богатства. Толчки вершины на миг остановились, и вершина осела, просев внутрь себя. Око Ангела услужливо приблизил край образовавшегося кратера. Из недр кратера неспешно выползло членистое насекомое — скорпион. Остановившись на крае, оно стало чистить лапки и клешни. На хвосте за спиной набухшей сливой висел мешочек, заканчивающийся изогнутым жалом. И в одиночестве он был недолго. С шуршанием и скрипом из глубин жерла выползала целая волна насекомых. Толкая друг друга, переползая через головы, они перевалились через край и лавиной устремились вниз, где на них с ужасом уставились мы.

Глава 6

Битва

Я всегда испытывал необъяснимую неприязнь к насекомым. Они всегда кажутся мне чем-то не от мира сего — какими-то осколками, давно отжившего мира, который по какой-то неведомой прихоти судьбы нашёл своё место среди нас.

И вот когда я увидел перед собой их бесчисленную армию, меня окатило волной ужаса. Пробудились те самые детские страхи. Но всего лишь на мгновение. Мне стало стыдно за эту внезапную, постыдную слабость.

Скорпионы, их чёрные, бусинки-глаза блестели, а острые жала и угрожающие клешни были недвусмысленно направлены прямо на нас.

Не стовариваясь, мы с Ангелом инстинктивно рванули обратно в туннель, который всего мгновение назад казался тесным и сырым, а теперь казался — островом спасения. По пути мой спутник, Ангел, что-то невнятно бормотал себе под нос, яростно жестикулируя, ведя отчаянный спор с самим собой. Мгновениехватило нам, чтобы попасть на порог туннеля. Но для нас эта страница странствий была захлопнута навсегда: раздался скрип, неприятно отдавшийся в зубах, и проём, перекрыла массивная, ржавая решётка, выползшая откуда-то из ниши в стене. В ромбовидные ячейки из квадратных прутьев, усиленные на узлах острыми шипами, едва могла просунуть ладонь взрослая рука. Ангел с силой вцепился в прутья и отпрянул, охнув. Выругавшись сквозь зубы, он тряс рукой. Его ладонь мгновенно посинела и сжалась, будто онемела от ледяного холода.

— Железо! Всё из-за тебя! — Его дрожащий палец, казалось, хотел пронзить меня насквозь.

— Правда? Обычная, старая железяка.

С размаху ударил своей рукой по решётке. Решётка загудела и завибрировала. Строители сделали её на совесть — она не сдвинулась с места. Тронул её и удивлённо почувствовал, как рука прилипла к решётке. С трудом разлепив захват, отшатнулся, переводя взгляд с пальцев, на решётку, где от моего хвата остались углубления.

Эта заминка позволила скорпионам догнать нас. Ангел, яростно стал, отбивался, махая рукой. Хотя я и не видел, чтобы они причиняли ему какой-либо вред. Скорпионы скользили и скатывались на перьевом покрытии.

— Двигайся, ничтожество! Шевели ногами! — бросил он.

— Ай!

Резкий укол в лодыжку заставил меня дёрнуться, как от удара током. Резко распахнул полы балахона и схватил извивающееся насекомое, которое уже целилось своим отравленным шипом. Моя ладонь с хрустом сомкнулась, кроша хитиновый панцирь. Судорожное копошение мгновенно стихло. Разжав пальцы, я обнаружил на ладони не останки насекомого, а скомканный, неопрятный комочек-монету, сочившуюся призрачным туманом. Я швырнул эту «монету» в приближающихся скорпионов, где она была мгновенно разорванная в клочья своими же собратьями.

Их передовые отряды уже настигали нас, резво перебирая лапами и подпрыгивая в желании поскорей добраться до нас. Они путались в складках балахона, возбуждённо пищали и капали едкой слюной с резким, отталкивающим запахом испорченных рыбных потрохов.

С громким хлопком рядом с нами в стене вспыхнула старая лампада, в углублении стены. Отпрыгнув и сбросив с себя наседавших насекомых, мы бросились бежать вдоль стены, оглядываясь и следя за тем, как позади нарастает волна преследователей.

Будто в откровенной насмешке, по мере нашего движения, в стене вспыхивали одна за другой лампады — кто-то невидимый явно следил за нами, заботливо подсвечивая наш путь.

Гора монет, продолжая двигаться и изменять форму, медленно оседала, словно кусок масла, плавящийся на раскалённой сковородке. Она расплзалась по полу, поглощая всё больше пространства и превращаясь в сплошное море. Глубокий провал в центре смотрелся глазом, внимательно наблюдавшим за нами.

Тем не менее нам нужно было торопиться. Нога, истерзанная укусами скорпионов, начала неметь и заплетаться. Проигрывая в скорости, скорпионы старались окружить нас. Их слаженными действиями словно руководил невидимый дирижёр. Начав сбиваться в группы, они цеплялись друг с другом и формируя крупные шары, ошетилившиеся клешнями. Они, как шары в боулинге, стремительно неслись на нас.

Я попытался отбить такой шар ногой в сторону, и охнул от резкой боли — в месте удара от моей стопы оторвались куски плоти и кожи, поглощённые шаром. Моей плоти! Показалась белая кость, которая тут же покрасилась хлынувшей кровью.

Оставляя за собой кровавый след, я сумел сделать ещё несколько шагов, прежде чем невыносимая боль в ноге заставила меня рухнуть. Прямо перед глазами я увидел ещё одну решётку, закрывавшую тёмный зев следующего прохода.

Перед моим глазом, в такт пульсирующей боли, замелькали артефакты — полупрозрачные прямоугольные окна, точно как в моём старом ноутбуке. Их красный цвет вопил об опасности, но они появлялись и исчезали так стремительно, что я не успевал даже уловить их смысл.

Именно тогда меня накрыла полная апатия. Если бы не ожившая рука, мне пришлось бы совсем плохо. Сжатая в железный кулак рука врезалась в центр очередного шара. Шар мгновенно остановился и распался на груды безжизненных, тусклых монет, словно из них ушла вся их злая прежняя энергетика.

Ангел, вскрикнув, на ходу, прямо в воздухе, начал лихорадочно чертить руками. Его пальцы налились жгучим светом, оставляя за собой постепенно затухающие следы.

— Прочь отребье! А ты... Живи. Слышишь, тряпка?

— Да пошёл ты... — только и смог прохрипеть я.

Губы побелели и едва шевелились.

Однако сил хватило послать в небытие ещё несколько шаров.

Прорвав ткань туники, на спине, белым облаком взметнулось крыло, а над головой вспыхнул свет — нимб. Полнимба — полукольцо, которое стремительно вращалось. Губы зашептали певучие слоги. Язык извивался и вибрировал, связки с трудом рождали сложные звуки. Не один раз звуки обрывались, достигнув предела своих возможностей. Ангелу раз за разом приходилось, начинал заклинание сначала. И когда я уже разуверился, что он сможет, волна умиротворяющего света пробежала по перьям. От кончика крыла отделилось длинное и жёсткое перо. Оно закружилось вокруг нас, как спутник вокруг планеты. И с каждым оборотом, рядом с кружащим пером рождалось его призрачная копия. Кружась вокруг нас, перья, касаясь скорпионов, отбрасывали их далеко назад. Круг перьев ширился и становился плотней.

За стеной из перьев бесновалась золотая волна. Раз, за разом пробуя щит на прочность.

Сияние нимба, тёплой волной омывало меня, дав кратковременную передышку от боли. Как замороженный я рассматривал шары, которые, сталкиваясь с защитой, рассыпались, чтобы быть поглощёнными и заново родиться.

Стремясь отодвинуть от нас опасность, перья расширяли охраняемый им круг. Но чем шире становился этот круг, тем бледнее выглядел Ангел. Из его сжатого рта донёсся звук, который был наполовину стоном, наполовину хрипом. Рука судорожно дёргалась, цепляясь за всё вокруг, будто искала хоть какую-то опору.

— Как же мало сил у меня осталось. Ты ослабляешь меня.

Его шёпот был почти не слышен, подобен вздоху.

Чувствуя в теле предательскую дрожь, я схватился за решётку и прилип рукой, как кошка к паутине. Но это меня даже порадовало — теперь захват требовал меньших усилий. Тянувшее

чувство я списал на своё воображение. Прохлада решётки медленно расплзалась по телу, окончательно забирая боль.

Между тем ранее хаотичное движение скорпионов стало меняться. Словно получив неслышимую нами команду, они бросились в разные стороны, уже не пытаясь нас атаковать. В лихорадочной суете они переползали друг через друга, торопясь занять своё место. Из их тесно сомкнутых панцирей, жёстко сцепившихся друг с другом, прямо на полу зала стала складываться фигура, состоящая из линий, геометрических символов, окружностей. И эти фигуры, не меняя строгие формы, двигались и кружились по своим орбитам. Фигура жирнела и наливалась силой. Интенсивный, зеленоватый свет становился настолько ослепительным, что заставлял невольно отводить взгляд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.